

Геннадий Ананьев

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕТЕР

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Геннадий Ананьев

Железный ветер

«ВЕЧЕ»

2018

Ананьев Г. А.

Железный ветер / Г. А. Ананьев — «ВЕЧЕ», 2018 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4484-7559-7

Прогремел выстрел «Авроры», и разлетелись вдребезги казавшиеся добрыми прежние отношения между старинными пограничными семьями Богусловских и Левонтьевых. Михаил Богусловский продолжает служить Отечеству, а предательство русского человека, кем бы он ни был, как бы люто ни ненавидел теперешний общественный строй России, осуждает и презирает. Левонтьевы избирают совсем другой путь... Роман признанного мастера отечественной остросюжетной прозы.

ISBN 978-5-4484-7559-7

© Ананьев Г. А., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Геннадий Ананьев

Железный ветер

Знак информационной продукции 12+

© Ананьев Г. А., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Глава первая

Михаил Богусловский с недоумением смотрел на умолкнувшую трубку, осмысливая, чем обернется для него короткая фраза: «К вам выехал следователь по поводу расстрела группы перебежчиков. Будьте на месте».

«Расстрел?.. Перебежчики?.. Опять чья-то рука нацелилась! Черным вороном висит кто-то надо мной. Злой рок!..»

Он уже стал забывать подробности неравного боя, ибо прошло с того дня две недели, а каждый день поступали в отряд десятки сообщений о стычках нарядов то с белоказаками, то с хунхузами, но чаще с японо-маньчжурскими солдатами, а каждая стычка – это либо раненые, либо погибшие. В это же время просочился через границу партизанский отряд, зажатый карателями. Попросил временного политического убежища, оружия и боеприпасов. Но пойдешь ли ты, все ли в том отряде патриоты своей страны, не нашпигован ли он японской агентурой и вообще не игра ли это японской разведки? Коварна она, ох, как коварна!

Последние же несколько дней все внимание и его, начальника отряда, и всего штаба было приковано к острову Барковский, на который вдруг ни с того ни с сего начали высаживаться усиленные наряды с маньчжурского пограничного кордона. Выбили раз, выбили второй – все одно нейдет. Уперлись: их, видите ли, остров – и все тут. А сегодня на рассвете к кордону подошло несколько японских военных катеров, набитых до отказа солдатами. Только что доложил Богусловский об этом начальнику войск округа и, получив приказ лично организовать отпор провокаторам, распорядился срочно готовить к выезду эскадрон с пулеметным взводом маневренной группы, сам же, надев реваган и саблю, собрался было идти к месту сбора эскадрона, и вот этот непонятный звонок.

«Какой расстрел?! Коновода потерял там! Геройский пограничник!..»

...Они ехали вдвоем на стыковую с соседним отрядом заставу по любимой Михаилом тропе. Ее «подарил» Богусловскому бельчатник за вечерним самоваром. Правило было у начальника отряда: если приезжал на заставу, стоявшую при селе, непременно шел к таежникам. И не командиром шел, а учеником-«почемучкой». На стыковой заставе он тоже побывал у всех охотников, и вот один из них при третьей лишь встрече, когда уже чаевничали, как старые знакомые, расщедрился:

– Ты, паря, когда домой сготовишься, покличь меня. Выведу на мандрык. Никому не сказывал о нем. Позалук держу там, припасы охотничьи. Напрямки к Лобану выведет мандрык.

Сразу оценил «подарок» Богусловский. Усури на этом участке, словно споткнувшись о высокую каменистую сопку, так ловко кем-то окрещенную лобаном, изгибается дугой и только пытается распрямиться, как на пути ее встает еще одна сопка – Убиенная. Несколько застав на той многокилометровой излучине и последняя – стыковая. Путь по берегу от заставы к заставе нелегкий и долгий – резерв в случае чего на фланговые быстро не перебросишь. Пытались Убиенную горячие головы на рысях брать, да скоро поняли, что Убиенная, она и есть Убиенная. Да и Лобан – не блины у тещи. Падей крутобоких тоже в достатке. Трудно, короче говоря, маневрировать силами и средствами. И вот он, выход, – тропа-хорда между концами дуги.

Не спешит, однако, благодарить радостно щедрого хозяина. Не принято в тайге это. Уважение потеряешь. Выспрашивает, как и положено:

– Сопок много?

– Откуль? Мандрык – что тебе долонь.

– Развилки есть?

– Нет, заблудки не случится. Прямиком.

И верно, прямой и ровной оказалась тропа, да еще вчетверо короче береговой. Рысь, правда, несколько раз когтила на деревьях, готовая к прыжку, но своевременный выстрел всякий раз отпугивал ее.

У охотничьей избушки, приютившейся возле студеного ключа на небольшой поляне, где охотник хранил немудреные продукты, дробь и порох, покормили коней, перекусили сами и, оставив добрую часть припасов в избушке, тронулись дальше. Не успели оглянуться, и вот тебе – Лобан.

Впоследствии рысь от тропы отпугнули, вырубали кое-где ерник, выкорчевали валуны – и пускай коня рысью, а то даже галопом, если нужда заставит. Избушку подновили и оберегали пуще глаза, всегда она в исправности держалась: дрова сухие со спичками и продукты наличествовали в ней постоянно. А когда появилась семья медвежья поблизости, смастерили забор, медведям неподвластный. Освоили, что называется, тропу пограничники полностью, и много доброй службы она сослужила. Оттого и любил Богусловский ее.

Не торопил в тот раз коня Богусловский, ибо ни обстановка того не требовала, ни душевное состояние. Вот уже несколько месяцев этот фланг отряда вел себя тихо и мирно. Ни одной вооруженной провокации, ни одного нарушения границы. Всем – и штабу отряда, и командованию комендатуры, и заставам – было ясно, что затишье это, как штиль перед бурей, но, когда грянет гром, никто не ведал; и одна виделась в той обстановке задача – не снижать боеготовности, не позволять людям расслабляться. Вот и Богусловский ехал, чтобы «встряхнуть» фланговые заставы. Планы тревог и учебных поисков детально отработал начальник штаба, который предложил провести их неожиданно, даже коменданта участка предварительно не знакомить с ними. Богусловский согласился и, направляясь на стык, в комендатуру не заехал и даже не позвонил.

Внезапные проверки в округе не только не осуждались, но всячески поощрялись, поэтому Богусловский даже не думал, что поступает не как положено. Не мог он и предположить, что станет все это одним из главных пунктов в обвинительном заключении, ехал поэтому по глухой таежной тропе не обремененный никакими думами и заботами, что бывает у пограничников весьма редко, оттого замечал и белок, вспархивающих на вершины стройных сосен, затем с пугливым любопытством – что за чудища такие? – взирающих вниз; замечал и бесшумную, но упорную, стенка на стенку, битву малинника с багульником, которая шла почти на каждой мало-мальски светлой поляне, и величественность кедрочей, расталкивающих могучими ветвями-плечами не только березы, но и своих собратьев – сосны, ели и лиственницы. Богусловскому всегда нравились эти уверенные в себе деревья, хотя и вызывали двоякое чувство: кедр казался ему образцом того, как следует бороться за свое место на земле, но он всегда жалел чахлые деревца, задавленные жестоким эгоизмом красавца могучи. И вспоминал отца, который частенько говаривал: «В жизни всегда так: либо тебя давят, либо ты давишь. Посередочке не удержишься. Примнут».

Да и на себе он это испытал куда как с лихвой. В Казахстане чуть не подмяли. Кто вот только? По сей день он так и не знает...¹

Вспоминать о тех позорных днях Богусловскому не хотелось, чтобы не вспугнуть душевную покойность, так уместную в этой безмятежной, обласканной солнцем тайге, но вряд ли ему удалось бы оттолкнуть начинавшие невольно наседать воспоминания, если бы из густого ерника, щетиной спрессовавшего тропу, совершенно беззвучно и оттого пугающе неожиданно не вышел здоровенный рогач и не встал набыченно, готовый к смертельной схватке. Богусловский натянул повод, и на какое-то мгновение взгляды их, человека – удивленный, сохатого – гневный, скрестились. Оторопь взяла Богусловского, рука его потянулась к ревягану, но даже не расстегнула кобуры: с поразительной быстротой дерзкая гневность во взгляде рогача усту-

¹ См.: Г. Ананьев. В шаге от пропасти. «Военные приключения». М.: Вече, 2018.

пила место удивлению, а затем и страху – сохатый мгновенно, словно не был так велик ростом, скакнул вправо и исчез в ернике.

– Ошибся, – хмыкнул коновод. – Посчитал нас самцами, на лосиху, мол, зариться начнут. Курьезность случившегося развеселила Богусловского, и он пустил коня рысью.

Меньше километра до охотничьей избушки. Совсем скоро выедут они на поляну, сорока встретит стрекотом, да таким захлебистым, будто соскучилась и теперь хочет высыпать на головы долгожданных гостей все таежные новости сразу; а на взгорке у малинника медведи насторожатся и, покосившись сердито, уйдут неспешно в тайгу. Богусловский рысил навстречу предполагаемой идиллии, не подозревая даже, что на сей раз предвкушаемый спокойный отдых обернется трагедией. И первым предупреждающим сигналом тому послужил донесшийся от поляны сорочий стрекот.

Богусловский резко осадил коня, поднял руку, чтобы и коновод замер. Тишина. Но вот вновь сорока застрекотала неумолчно и, как показалось начальнику отряда, упрямясь. Словно кто-то отпугивал ее, а она сердилась на это.

– Не волки ли? Должно, задрали гурана на поляне, – сдавливая до предельной глухоты голос, высказался коновод. – Уж шибко захлебывается белобока. Из-за медведей так не станет тайгу полошить.

– Возможно, волки. И все же... Слезай!

Снял с луки карабин, достал из переметки подсумок и, приладив его на ремень, распорядился:

– Сведи коней с тропы и жди, пока не вернусь.

– А то мне бы сподручней. Я мигом, – предложил коновод, но Богусловский вроде бы и не услышал, пощупал, в кобуре ли реваган, и, свернув с тропы, бесшумно заскользил меж деревьев к поляне.

То, что увидел он, когда выполз, лавируя между кустами багульника, на опушку, крепко озаботило Богусловского: четверо крепких мужиков разморенно привалились к заплочным мешкам, в каких обычно носят продукты и огнезапас охотники; двое стояли с топорами в руках у поленицы, собираясь, видимо, колоть дрова; еще один ковшиком черпал из родника воду, наполняя ведро. Ружье и мелкокалиберные винтовки, особенно любимые бельчатниками, стояли, прислоненные к стене избушки, плотным рядом. Артель, и артель охотничья, прибывшая к своему стану. Только для чего у каждого маузер через плечо?

«Из тыла? Или граница нарушена?..»

Отполз от опушки и поспешил к коноводу:

– Положение хуже губернаторского. Их семеро, нас – двое, а задерживать необходимо. Батуем коней.

Распределил Богусловский свои наличные силы так: коновод выдвигается правее тропы на опушку и изготавливается, выбрав хорошую позицию, к бою; сам же Богусловский обходит поляну и поднимается на взгорок, к малиннику. Оттуда и предложит нарушителям сложить оружие.

– Если дойдет до боя, чаще меняй позиции. Создавай впечатление, что несколько нас человек, – посоветовал Богусловский коноводу. – С поляны, главное, не выпустить никого, иначе уйдут.

– Верно. Никак нельзя упускать, – согласился коновод, загоня патрон в патронник. – Вдвоем не погоняешься по тайге...

В этом и заключалась вся сложность ситуации: до заставы, если полевым галопом скакать, не менее двух часов; выстрелов, если бой начнется, на границе не услышат – короче говоря, на себя только расчет. Голубя бы послать с донесением, да не взял он голубей: тропа тыльная, ровная, на ней никогда ничего неожиданного не случалось. Беспечность, надежда на авось – как теперь это ни называй, дела не поправишь.

– Пошли, – скомандовал коноводу. И добавил: – Пока я не вступлю в переговоры, себя ни в коем случае не демаскируй. Понял?

– Как не понять! Тогда, считай, пропали мы.

Когда Богусловский, обойдя поляну, выполз на взгорок, он увидел почти не изменившуюся картину: четверо все еще продолжали возлежать на заплечных мешках; под навесом у поленницы, уже нарубив изрядно дров, дымили самокрутками двое, и только тот, что набирал прежде воду, находился в избушке. Похоже, растапливал печь, ибо из трубы начинал куриться дымок.

«Один – ничего. Хорошо, что остальные на виду».

Богусловский поднялся во весь рост. Карабин на изготовку. Крикнул зычно:

– Предлагаю оружие сложить, самим отойти на десять шагов и лечь лицом вниз!

Словно вихрем бросило на землю всех шестерых. И маузеры уже в руках. Богусловский упал и откатился, а пули прошили малинник в том месте, где он стоял.

Из домика выскочил седьмой и, споткнувшись, осел медленно к порогу.

«Молодцом! – похвалил Богусловский коновода. – Одним меньше!»

Но слышали остальные выстрел со спины, трое из них развернулись, однако не стали стрелять безвестно куда. Расползаются пошире и ждут выстрела с опушки, чтобы наверняка бить.

И тройка, что против него, Богусловского, осталась, тоже больше не стреляет. Тоже ждет верной цели.

А у Богусловского позиция неважная. С трудом видна поляна, чтобы выстрелить прицельно, бугорок мешает. На него не выползешь: сразу увидят. Но и не лежать же здесь без дела? Решил рискнуть: вернуться на прежнее место, откуда поляна как на ладони. А после выстрела вновь сюда откатиться.

Медленно, чтобы не обозначить своего места шевелением веток, выполз Богусловский из ямки, выцелил того, кто ловчее лег на мушку, и, нажав спусковой крючок, покатился в ямку. Зацокали пули, перекусывая ветки малинника, а Богусловский в полной безопасности считает выстрелы.

Двое только против него остались. Начало хорошее. Только бы не увлекся коновод, не демаскировал себя в горячке боя. Хотя не новичок, не первый год на границе. И все же позиция у него похуже. Отсюда, сверху, сподручней бить, да и ямка так кстати подвернулась...

Теперь влево решил проползти Богусловский. И коноводу помочь.

Удачным оказался и второй выстрел. Теперь четверо против двоих.

Ошибался Богусловский: коновод тоже скосил одного, когда тот попытался, стремительно вскочив, убежать в лес. Только и сам не уберегся: впилась пуля в руку повыше локтя. В голову предназначалась, да чуть-чуть занизилась.

Хоть и терпимая рана, особенно когда перетянул ремнем руку, но меткости той не жди. Да и позицию менять теперь несподручно. Один выход: чаще стрелять, прижимая бандитов к земле, привлекать на себя огонь, чтобы начальнику отряда вольней было действовать.

Богусловский сразу, как только коновод зачистил с выстрелами, понял, что ранен тот. Пренебрегая опасностью, поспешил влево (повтор действий чаще всего оправдан своей нелогичностью) и выстрелил. Откатывался в ямку под злобный мат раненого и угрозу его хриплую:

– Кишки выпущу!

Михаил и до этого не сомневался, как стали бы лютовать враги, попади он им в руки. Подумать и то страшно.

Вновь пополз влево – еще один повтор. На этот раз более удачный. Замолк навечно еще один нарушитель.

Изменили, однако же, тактику оставшиеся в живых бандиты – открыли огонь все по коноводу, который стрелял с одной точки. И успел он после этого огрызнуться только двумя выстрелами. Пустыми выстрелами...

Один остался Богусловский. Против двоих здоровых и одного раненого. Любая оплошность, и – конец. Хорошо, если сразу смерть. А если ранение? Похолодело все внутри от одной мысли об этом.

«Дерзну еще раз, потом менять позицию придется...»

И вновь покрался влево. Понимая, что взгляды тех, кто лежит на поляне, впились сейчас в малинник и вправо и влево от ямки. Еще метр, еще полметра...

«Что на рожон лезть?! Метров на тридцать в сторону – верней будет...»

Пополз по тропе, промятой в малиннике медведями, вначале в тыл, а затем почти по самой опушке малинника подкрался к краю поляны.

И в самом деле, неподвижно лежали нарушители с примкнутыми к кобурам маузерами и не сводили глаз с того места, откуда он стрелял прежде. Боясь, чтобы не почувствовали нарушители его взгляда, он в то же время тщательно, как, бывало, делал на стрельбище, когда хотел переубедить незадачливого пограничника, что не винтовка плохо пристреляна, а мастерство подводит, выцеливал ближайшего к нему врага.

Выстрел и – моментальный рывок в тыл. В мертвое от пуль пространство, а затем стремительный бег по медвежьей тропе через малинник и вновь улиточное продвижение к огневой позиции, совершенно новой, на левом краю малинника.

И какая удача: валун, вросший в землю! Прекрасное укрытие. Справа можно один выстрел сделать и слева – один.

Оглядел поляну. Убитые на ней и раненый. Похоже, обессилел вконец – тужится поднять голову, но она клюет траву.

«Отвоевался! Но где последний?!»

Не видно его. Пока, выходит, менял он, Богусловский, позицию, нарушитель где-то укрылся. Но, возможно, уходит? Посчитал заплечные мешки и ружья – все на месте. Налегке не уйдет никуда. А что, если с тыла подкрадывается? Нет, нельзя в неведении лежать.

Медленно, будто только-только появился здесь и теперь пытается оглядеться, стал раздвигать ветки малинника. Шевельнул едва заметно веточку, и тут же хлестнул выстрел. Из-за поленицы. Цевье – в щепки.

«Ого!..»

Вмиг родилось решение: выпустил карабин, тряхнул головой, чтобы фуражка тоже упала, и замер. Обрадовано отметил, что и ствол из зарослей на самую малость торчит, и фуражка, скользя между веток, ткнулась козырьком в землю, будто не с головы сброшена, а вместе с головой поникшей успокоилась.

Еще один выстрел из-за поленицы. В самый центр зеленого круга. Но не упала фуражка: удержали ее веточки. Удержали.

«Должен теперь поверить. Должен!» – боясь даже дышать в полную грудь, думал Богусловский. Сейчас он даже готов был молиться и богу, и черту, чтобы только поверил нарушитель, чтобы вышел из-за укрытия.

«Должен поверить! Должен!»

Извелся Богусловский, находясь как бы в остановившемся времени и во власти остановившейся мысли: «Должен! Должен!»

Резко выброшена рука из-за поленицы, и грохнул выстрел. Вновь пуля пронзила фуражку. И тоже почти в центре.

«Ого!..»

Снова остановилось время. Снова в голове одна и та же мысль: «Должен поверить! Должен!»

Вынул из кобуры наган, осмотрел, полон ли магазин, и, прикрывая телом, чтобы заглушить щелчок, взвел курок.

Ждать стало немного легче.

Появился наконец долгожданный. Высок, могуч, что тебе кедр многолетний. Окладистая рыжая борода щетинисто развевалась, золотисто перемигиваясь с солнцем. А взгляд строгий к фуражке зеленой и к стволу карабина прикован, сам же, словно пружина сжатая, пулю опередив, скакнет за поленницу.

«Рано! – убеждал, стиснув зубы, сам себя Богусловский. – Рано! Не спеши!»

Не торопился и нарушитель делать первого шага. Предчувствовал, видимо, беду. Но безмолвно все вокруг, только в центре поляны раненый силится поднять голову да от порога избушки доносится глухой стон... Решился наконец бородач, пересилил себя: вначале опасно, а затем все уверенней и уверенней пошагал к раненому товарищу своему.

«Рано! Рано! – сдерживал себя Богусловский предельным усилием воли. – Потащит раненого к избушке, тогда...»

А бородач вовсе не собирался возиться с раненым товарищем. Подошел к нему сбоку и, переложив маузер в левую руку, перекрестился размашисто: «Прости душу грешную», – выстрелил ему в голову и, перекрестившись еще раз, повернулся к избушке, чтобы убить и второго раненого.

Никаких свидетелей. Пусть пограничники ищут ветра в тайге.

Вскинул Богусловский реваган, подвел мушку под лопатку, но почувствовал, что дрогнула рука. Подложил под нее кулак левой руки как упор. Целился так, как никогда в жизни не целился. Спусковой крючок нажимал опасливей (не дернуть бы ненароком) новичка-солдата, впервые получившего боевой патрон.

Выстрел. Вздогнула спина, выгнулась. Еще выстрел, еще, еще... Рухнул бородач, но Богусловский для верности, вновь выцеливши тщательно, выстрелил еще один раз. Теперь можно и встать. А сил нет. Не ноги и руки, а студень подтаивающий. Не голова, а гиря двухпудовая. Не поднимешь.

Несколько минут лежал в забытьи Богусловский, а когда очнулся, вскочил, укоряя себя за слабость. Ему казалось, что проспал он долго и коновод, если не убит, а только ранен, потерял много крови за это время, да и тот, раненый, что стонал у порога избушки, тоже мертв. А он нужен живым. Для допроса нужен, чтобы выяснить, что за пришельцы, какова цель и каков маршрут. А что не новички они в тайге, Богусловский понял сразу же, как увидел их.

Пересиливая отвратительную мелкую дрожь в ногах и руках, начал торопливо спускаться со взгорка, не отрывая взгляда от раненого. Что у того на уме? Вдруг хватит сил вскинуть маузер?

Нет, бездвижен. Только стонет глухо. Беспмятно стонет, слишком уж однотонно.

Спустился на поляну и почти подошел к избушке, как вдруг вздрогнул от неожиданного стрекота. Громкого, торопливого. И увидел ее – тараторку. Сидит на коньке избушки и мелет о чем-то своем, заветном, сорочьем. Снял фуражку Богусловский и поклонился спасительнице.

Не их, пограничников, она предупреждала о появлении людей, а таежный мир. Ей все равно, пограничник ли появился на поляне, нарушитель ли, или охотник: человек есть человек, опасней волка он, от него трудно укрыться, от него убежать и улетать нужно побыстрее и подальше. Но, может, и пограничникам все же давала сорока знать о чужих, баловали же ее солдаты, когда на привалах отдыхали, вкусными вещами.

Поясно поклонился Богусловский сороке.

Подошел затем к раненому нарушителю. Плох совсем. Ключица перебита, и шея зацеплена. Лицо небритое, щетинистое, без единой кровинки, а пальцы рук уже синюшные...

Размежились веки раненого, почувствовавшего, видимо, взгляд. Бесцветный у него взгляд, потусторонний. Но вот затрепетал в нем страх, и захрипел раненый:

- Не стреляй, вашеблагородь... Подневольный я.
- Сейчас помогу, – торопливо успокоил Богусловский. – Потерпи чуточку.

Вынул из кобуры раненого маузер (береженого бог бережет) и поспешил через поляну туда, откуда сделал свои последние выстрелы коновод.

Тот был мертв. Голова прострелена дважды. Ему помощь была уже не нужна.

«Что ж ты за дерево не укрылся? На себя принял огонь! Жить бы тебе да жить...»

Надел фуражку и побежал к сбатованным коням, чтобы взять из переметок перевязочные пакеты.

Вернулся к избушке вместе с конями. Привязал их к коновязи и – к раненому. Поднял того, чтобы ловчее было бинтовать, к себе на колени и, сдвинув рваные концы раны, придавил тампоном. Казак застонал, открыл испуганные глаза, но сразу же успокоился и всю остальную перевязку крепился.

Перевязав раненого и уложив его на топчан в избушке, Богусловский зачерпнул ковш ключевой воды и поднес его к губам раненого, тоже уже начавшим синеть. Жадно, хотя лицо его исказила боль, выглотал казак весь ковш, вздохнул умиротворенно и, казалось, вновь потерял сознание. Но это было не так. Он притворялся. Он все слышал, душа его была полна благодарности красному командиру за человеческую чуткость, с какой он, белоказак, покинувший станицу свою невесть для чего, многие годы не встречался, но никак ум его не мог постичь того, что сердоболен не товарищ, а враг, который сам же ранил его, но и спас от Кырена. Тот поднимал уже маузер. Не перекрестившись поднимал (это сейчас казаком воспринималось с особенной обидой), не как на своего дружка Газимурова. Словно не человек перед ним, а пес паршивый, потерявший нюх. Нет, он еще не решил, рассказать ли все, что знает, пограничному командиру, либо притвориться вовсе несведущим. Приказали, дескать, вот и пошел. Куда денешься? Убьют, коли воспротивишься. А куда и зачем вел их Кырен – бог его знает. За расспросы, дескать, по головке не погладили бы... Богусловский же встревожен. Мимолетно мелькнул упрек, что опрометчиво поступил, затаскивая сюда раненого без предварительного опроса. Узнать хотя бы, откуда пришли. Из тыла или из-за границы. И в каком месте переходили. Но не мог так поступить он, язык не повернулся бы спрашивать. Вот теперь, когда все возможное сделано, чтобы облегчить боль, чтобы укрепить жизнь, – теперь иное дело. Но теперь, похоже, поздно!

«Юзом как-то все вышло... Но, может, очнется все же. Кровь остановлена. Лежит удобно и покойно».

Неприкаянно на душе у Богусловского. Во всем безделен. Остается только одно – ждать. Ждать, пока не очнется раненый. Ждать, пока не приедут сюда пограничники. Казак пусть в память войдет, все равно не транспортабелен, а оставить его одного здесь не оставишь. Через три часа (прибыв на заставу, Богусловский должен был сразу позвонить начальнику штаба), начальник штаба, не дождавшись звонка, поднимет тревогу и пошлет по тропе кого-либо из комендатуры. К вечеру лишь придут пограничники. Долго ждать. Раненый бы очнулся! Да дотерпел бы до квалифицированной помощи.

Казак тем временем решал трудную для себя задачу. Открыл наконец глаза. Удивительно осмысленный взгляд. И вопрос удивил Богусловского:

– Ты, паря, подстрелил меня?

– Нет. Коновод. У меня рука верней, – ответил Богусловский. Ответил искренне, не думая о том, как воспримет его раненый и что станет этот ответ последней гиришкой на весах сомнения. А вышло, что понравился казаку прямоотой своей.

– Спрашивай, паря, что знать желаешь...

– Откуда пришли?

– Из Маньчжурии. Бродом до острова, Подлобаньем называл его есаул наш Кырен, с него – вниз полверсты, а тогда уж – на сей берег. Брюхо едва замочили...

Слыхом не слыхивал об этом броне начальник отряда. Выходит, прекрасно знающие местность нарушители. Из этих самых, стало быть, краев.

А раненый продолжал, трудно дыша:

– Мандрыком – сюда. Бросовый мандрык. Не ходил если – не сыщешь.

«Найдем. Обязательно найдем», – упрямо подумал Богусловский и спросил:

– Куда и зачем шли?

– В Хабаровск шли. Зачем? Вот тот, Кырен, есаул, все знал. И Газимуров, которого Кырен добил. Услышал я раз меж ними разговор. Кырен ему: ты, дескать, если что со мной в Усть-Лиманку не ходи. Прежде – в Хабаровск. Повидаешь, наставлял, Ткача...

– Кого-кого? Ткача?! А где встреча – не говорили? – со слишком поспешной заинтересованностью спросил Богусловский и тут же пожалел, что прервал раненого. Замолчал тот и глаза смежил.

«Все! Испортил! Замкнется в себе!»

И впрямь, не открывал глаза казак. Лежал бездвижно. Долго лежал. Богусловский уже не единожды упрекнул себя за совершенно ненужную поспешность – состояние раненого улучшилось, а времени с избытком. Решил: если заговорит, больше не перебивать. Лишь когда все расскажет, тогда и про Ткача спросить, не знает ли каких подробностей, и про Усть-Лиманку, где она и что там делать Газимуров намеревался...

Только минут через несколько открыл глаза казак и тем же трудным, с хрипом голосом ответил:

– Называл Кырен улицу, только вишь, паря, запомятовал я. Дырявая голова. Что из ваших он – это уж точно. И еще сердчал Кырен, что в Усть-Лиманку Газимурову ехать. Так и сказывал: «Не барыня какая, каво сама в Хабаровск не едет...» Больше, паря, никаво не ведаю. Кырен да Газимуров – те все знали, а мы – подневольные. Мы для них – что скотина бессловесная. Маузер на живого нацеливал. Христопродавец!..

– А можно, я несколько вопросов задам? Не трудно говорить?

– Печет, паря, шею шибко. А спросить? Отчего же нельзя? Можно. Если по-людски.

– Кто Кырена и Газимурова, как ты их называешь, провожал?

– Дружок ихний. Афанасием кличут. Борода – что тебе грабарка. Сказывали, из наших – забайкальский казак. Еще сказывали, кордонил в Туркестане прежде, при царском режиме... А в тот день, когда нас, подневольных, собрали, благородие приходил. Я на часах стоял, видел его. Ноги бабьи, жирные, а лицо куничье. Недоноухал будто чего-то. Важный, однако. Как пришел, так все место себе загреб. Другим повернуться негде. Кырен и Газимуров после ругали его крепко. Мстит он им, видишь ли, за прошлое, покойно жить не дает, гоняет через границу. Грозилась: отольются, дескать, ему слезки. А вот как звать-величать того благородия, не ведаю...

Гулко забилося сердце Богусловского, всплыли явственно, будто не минуло двадцати с лишним лет, салонные споры, особенно неприязненные в последний вечер перед штурмом Зимнего. В кресле сидит Левонтьев-старший, а кажется, что во всех углах салона. Даже дочери своей любимой Анне мешают спеть песню, жениху посвященную. Рядом с отцом-генералом – сын его Дмитрий, остроносый, с прозрачными ноздрями, которые ни на миг не остаются в покое, словно подкатывается чих, да никак не может осилить какой-то барьер. Великой заботой о судьбе России озабочены отец и сын. Великой салонной заботой, без четкого определения своего места в той самой судьбе, о которой могли они часами переливать из пустого в порожнее. И каждый раз, когда он, Михаил, пытался убедить их, что место патриота России с народом, они насмешничали. Вот они, насмешки те, куда завели...²

² См.: Г. Ананьев. Зов чести. «Военные приключения». М.: Вече, 2018.

Богусловскому хотелось сейчас выскочить из избушки и упрятаться подальше в тайге от вдруг навалившейся новости. Дмитрий Левонтьев послал связных к Владимиру Ткачу! Вот как разлетелись вдребезги казавшиеся добрыми прежние отношения между старинными пограничными семьями. Теперь уже не обычное для всяких приятельских семей стремление обойти друг друга в благополучии, не случайные или преднамеренные, но все же пустячные размолвки, вполне неизбежные в жизни, – теперь настоящая дуэль. Вражда.

Знал Михаил, что старший брат Анны в стане врагов, воспринимал факт этот как весьма неприятный, но абстрактный. Когда ему попытались было поставить в вину, что женат на сестре изменника Родины, он возмутился несказанно. А вот теперь абстракция оборачивается конкретностью. Едва не осталась Анна вдовой. Главное же действующее в том лицо – братец ее...

А Ткач? Владимир Иосифович! Как убеждал, что принял революцию! Как просил, чтобы взяли штурмовать Зимний! Правда, воришкой оказался. Вором! Зря тогда не отправил его под арест. А еще руки Анны домогался. Вот уж осчастливил бы ее...

Но, возможно, не с Владимиром Ткачом встреча? Может, это случайно совпавшая кличка резидента?

«Выстрелил бы раньше в рыжебородого – не гадал бы сейчас. Тот раненый, Газимуров, прояснил бы кое-что. Ишь ты: “Рано! Рано!” Поздно оказалось!»

Казнил себя Богусловский безжалостно. Обвинял даже в том, в чем не был грешен. Теперь та выдержка, тот расчет холодный, что позволили победить, казались ему самой настоящей трусостью.

Что ж, человеку свойственно заблуждение.

Долго молчал раненый казак, потом застонал с метрономной однотонностью и ритмичностью. Смочил тогда Богусловский сложенный в несколько слоев бинт и приложил к плававшему жаром лбу. Раненый выдавил сквозь стон:

– Пить.

Поднес ковш к губам, приподняв раненому голову, но тот никак не мог открыть рта – не слушались синюшные губы. Помог Богусловский осторожно. Жадный глоток, стон успокоенный, потягота судорожная, и – ничего больше не нужно человеку. Ничего...

Вечерело. Богусловский, начавший сомневаться, приедут ли до темноты пограничники, решил занести в избушку оружие и ношу нарушителей и их самих собрать к избушке, чтобы, если придется коротать ночь одному, уберечь трупы от росомах, воронья и другой пакостной живности. Вынес для начала из избушки умершего казака, пошел после этого за коноводом. Особняком его уложил, у самого родника, чтобы сохранный оставался в прохладе.

Успел все сделать, что намечал, и, когда, занеся последний заплечный мешок в избушку, опустился обмягший (от физической усталости и, главное, от душевной) на ступеньки у порога, услышал едва различимый топот копыт, который быстро приближался. Смахнул из-за спины карабин и – к углу избушки. Патрон на всякий случай загнал в патронник.

Излишняя предосторожность. Свои. Комендант с отделением пограничников влетел рысью размашистой на поляну. Лихо, но беспечно. Впрочем, все всегда по тропе этой беспечно ездили...

Из штаба комендатуры доложил Богусловский по телефону начальнику войск и о бое, и об исповеди раненого казака.

– Из наших кто-то, говорит? – переспросил недоверчиво начальник войск. – Задачку ты задал! Ты понимаешь, что это такое?!

Да, он понимал. Подозрение на каждого. И все же в письменном донесении оставил страшное для пограничников обвинение. Он верил раненому, его искренней предсмертной исповеди...

Как это было давно! Целых две недели назад. И надо же – следствие...

Зашипел репродуктор, нелепым черным кругом торчавший над дверью, наплыли мелодичные куранты с отдаленно врывавшимися в паузы автомобильными гудками – заговорила Москва. Нет, не горделивые сообщения со строек, из цехов, с полей колхозных, не полные тревожности международные дела – радиослушателям предлагалась политическая сатира. Лихо перелились аккорды, и два игривых голоса принялись, перебивая друг друга, подтрунивать над злодейкой акулой, которая набралась дерзости напасть на соседа кита. В припеве зазвучал монолог самой злодейки:

Съем половину кита я.
И буду, наверно, сыта я...

– Ну, братцы мои! – воскликнул Богусловский. – С ног все на голову! Допоемся!

Скверное настроение Богусловского от этого монолога-припева еще больше испортилось. К возмущению по поводу только что состоявшегося разговора по телефону добавилось возмущение нелепостью мысли, заложенной в монологе.

«Разлюли малина! – сердился Богусловский. – Пусть они друг друга глотают, а мы тут мирно да тихо, не выводя бронепоезд с запасного пути... Как можно воспитывать такое настроение?!»

Нет, сейчас он, взвинченный и наглостью японо-маньчжурских вояк, которые никак не отступались от острова Барковский, и столь же наглым требованием следователя никуда не выезжать до его приезда, хотя тот знал, что предстоит бой за остров, не мог снисходительно относиться к эстрадной сатире. Сейчас он мог рассуждать только с прямолинейной категоричностью. И он сейчас как бы вступил в спор с теми неизвестными ему певцами; он, сердясь, убеждал их, что не столько для захвата Китая напала на него Япония – ей наш Дальний Восток спать не дает. И в восемнадцатом году главной целью Квантунской армии, которая тогда была введена в Маньчжурию, были Приморье, Приамурье, Забайкалье и Сибирь. Место дислокации Квантунской армии так и называлось тогда: североманьчжурский плацдарм. Семенова и Калмыкова взяли квантунцы себе в подручные. Да и милитаристы китайские, из сторонников Чжан Цзолиня, не отказывали в помощи: плавсредства обязались поставить для форсирования Амура, охранять эшелоны японцев, разрешив им следовать по построенной Россией Китайско-Восточной железной дороге, продовольствовали японские войска, а число их немалое было – шестьдесят тысяч. Да мало ли чем помогали, надеясь, видимо, что не обойдут их при дележе добычи. Думали, как в девятьсот пятом, пожить.

Спала веками на своих благодатных островах Япония, поморы же вольные, ушкуйники да купцы русские тем временем Курилы, Аляску, Калифорнию огоревали. А как обихаживать стали – тут желающих хоть пруд пруди...

Ну, Калифорнию – ту хитростью откусили: продала Штатам землю русскую Российско-американская торговая компания. Аляска таким же манером отошла. А на Курилах клинки скрестились. Головина ни за что ни про что пленили. Заливом Измены – так и зовется тот залив, где были японцами попораны всякие нормы человеческого общения.

И на Сахалин права заявлять стали, когда доказал Невельской, что он не полуостров, а остров. Так это же восемнадцатый век! Прежде, значит, не нужен был, теперь давай – и все тут!

Нет, не насытится «злодейка акула», проглотив Маньчжурию. Аппетит у нее только разгорелся. Тем более что многие из правителей китайских и тайно и явно поощряют «злодейку». На Восток России они глазами хозяев смотрят.

«Тут своя каша. Веками ее варили – попробуй теперь расхлебать, – думал Богусловский, осуждая неизвестных и известных ему дипломатов и воевод за медлительность и нерешительность в обустройстве земель, русскими обжитых. – Отдали Албазинский уезд, от Амура отсту-

пились. Полтора ста лет бездействовали. А снова начать, когда цинцы за эти годы успели себя убедить, что Приамурье – их земля, много трудней оказалось».

Отбили бы сразу, как считал Богусловский, Албазин, послав добрую поддержку коменданту его, Толбузину, поостыли бы захватчики. И на переговоры в Нерчинск мог бы енисейский воевода князь Щербатый покрепче отряд послать. А вышло что: у окольного Федора Алексеевича Головина пятьсот человек, а у маньчжуров – более десяти тысяч. Да и Головин сам либо робким неумехой оказался, либо иные, кроме письменных, инструкции имел.

А потом что творилось? Расследование бы хорошее провести, чтобы истину знать. Только некогда, да и некому. Вроде бы правильно сказал Николай I: «Где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен». А на деле все иначе получалось. Невельской на свой страх и риск идет к устью Амура. И доносит, что пусто оно, нет там никого, кроме аборигенов. Его же чуть ли не под суд за это. По своей же русской земле ходить запрещалось! Он дальше, к корейской границе, – ему предписывают прекратить самовольство. Он определяет, где проходит Хинганский хребет (наконец-то!), и предлагает, исходя из Нерчинского договора, выставить там посты и начать заселение долины реки Уссури – ему опять кулак под нос. Так в конце концов и отгнали великого патриота на задворки...

Особенно рьяно отмахивались от своей земли министр иностранных дел граф Нессельроде и военный министр граф Чернышев. Многие историки единодушны, что Нессельроде был бездарен, только сомнительны для Михаила Богусловского были те оценки. Бездарность ли одна руководила поступками министра иностранных дел? Знал Михаил, что «русский» граф был отпрыском того графского рода, один из которых носил имя Франц-Карл-Александр Нессельроде-Эрегсгофен. А этот род повязан кровно с Гоцфельдтами, князьями-французами. Не тут ли собака зарыта?

Прежде, пока не развернулась Амурская экспедиция, Охотским морем почти не интересовались мировые державы. Лаперуз побывал там, английский мореплаватель Браутон – и все. Заключение они, что Сахалин – полуостров, что гаваней удобных Охотское море не имеет, а берег дик и не населен, что делать там цивилизованному миру нечего, и больше не активничали. Но стоило только Невельскому с товарищами своими опровергнуть «открытия» авторитетнейших мореплавателей, как потянулись туда и американцы, и французы, и англичане. Откуда им становились известны открытия Амурской экспедиции, если донесения Невельского ни в журналах и газетах не публиковались, ни в сборниках не издавались? Гадать да думать только остается.

Отстояли тогда край свой усилиями патриотов – и дворян, и простолюдинов. Вышло только наперекосяк. Вроде бы не обжили его в союзе с аборигенами, а захватили чужое. И уж ничего не изменить, не поправить – ох как нелегко меняется сложившееся понятие! С тех пор Китай и Япония – в позе обиженных, а Россия стала без вины виноватой. Винтовками да пушками приходилось ей правоту свою утверждать. И кровью русской.

Вот теперь вновь подоспела пора встать стеной за землю свою. За советскую землю, народную. И не убаюкивать себя, что вцепились соседуски друг другу в гриву и не до нас им. Оскал их все одно в нашу сторону. Вот и нужно бить по зубам.

«И крепко! Чтобы скулы трещали! – гневно рассуждал Богусловский. – Как в двадцать девятом на КВЖД. А то. “Буду сыта я. Буду сыта!..”»

И вдруг похолодело внутри у него, а на лбу – испарина. Он сделал, как ему показалось, страшное открытие: кому-то не интересно, чтобы кулак бьющий был крепок и смел; кому-то интересно, чтобы при замахе огляд имелся – не осудили бы, не обвинили бы в самочинстве.

Кто-то убаюкивающую песенку благословил на эстраду, кто-то здесь хватает за руку, за справедливо карающую руку – вот тебе и сомнения, вот тебе и робость душевная. Но если даже не робость, то хотя бы отвлечение сил на доказательство очевидных истин.

То, что не дано ему было осмыслить в одиночной камере алма-атинской тюрьмы, то уразумел он теперь...

Нет, по масштабам содеянного для Родины своей он не приравнивал себя к Невельскому, Бошняку, Орлову, Чихачеву и к другим мужественным офицерам, кто вопреки вожжам и окрикам верно делал нужное для России дело, но, оценивая все, что с ним происходило и происходит, он проводил принципиальную аналогию.

Его, честно делающего свое нелегкое дело, вот уже вторично отдают под следствие. И вновь, вдуматься если серьезно в суть звонка, он лишен права выезда. Он снова арестован.

«Нет! Не выйдет! Не возьмете голыми руками! – угрожая кому-то неведомому, сжал кулаки Богусловский. – Не только во мне дело. В принципе дело: смело ли бить врага или оглядываться, не осудят ли ненароком. Не выйдет!»

Песенку, которая игриво лилась из черного круга, Богусловский уже не воспринимал вовсе; он даже не сразу осмыслил доклад дежурного, который, постучав, как положено, в дверь, вошел затем в кабинет и вскинул руку к фуражке:

– Эскадрон к выезду готов. Взвод станковых пулеметов – на тачанках.

Ответил машинально:

– Хорошо. Свободны.

Не совсем поняв ответ, дежурный все же сделал положенный поворот и вышел из кабинета. И только тогда Богусловский вполне осознал, что не полемика с неведомыми вредителями дела сейчас от него требуется, а действие. Ему надлежит решить, выполнять ли распоряжение следователя или ехать с эскадром.

Он стукнул ладонью по столу, как бы ставя точку своим размышлениям, и упрямо поднялся. Он понимал, сколь сложны окажутся последствия его действий, но шел уверенно. И никто не мог бы определить, как бурно мечется его душа.

– Са-ади-ись! За мной – ма-арш!

Глава вторая

Вроде бы вел Богусловский эскадрон аллюром на пределе лошадиных возможностей, а надо же – опоздал немного. Бой на Барковом начался. И что самое неприятное, инициатива – у японо-маньчжуров. Высадили они десант не с внешней стороны острова, где отделение пограничников заставы и небольшой резерв комендатуры приготовились встретить провокаторов, а ввели катера в протоку с тыльной стороны. Двух зайцев тем самым убили: пограничникам пришлось спешно перестраивать оборону, оставив удобную, заранее подготовленную позицию, что поставило их в трудное положение; но самое неприятное было в том, что пограничники на острове оказались отрезанными от берега – не мог теперь начальник заставы переправить через протоку, на что он рассчитывал, подкрепление.

– Не держать же на острове весь личный состав! – оправдывался теперь он перед Богусловским. – Участок без охраны не оставишь.

Все верно. Могло быть и так: шум вокруг острова подняли для отвода глаз, чтобы в ином месте безопасно переправить агента, а то и крупную шпионско-диверсионную группу. Это учитывал и он, начальник отряда. Коменданту этого участка еще несколько дней назад приказал на всех заставах усилить охрану границы.

– Ошибки в ваших действиях нет, – подбодрил начальника заставы Богусловский. – А вот выправлять положение нужно немедленно. Каков ваш план?

– Выход, думаю, один: пулеметами с берега ударить по катерам и под прикрытием огня переправить эскадрон через протоку.

– Нет, подобные действия ожидаемы японо-маньчжурами. Кровопролитны для нас.

– Тогда лодками. Рыбацкими. На внешний берег.

– Это уже выход, – проговорил Богусловский, взглядываясь в схему, которую прекрасно знал, но, как каждый командир, он тоже имел привычку перед принятием окончательного решения «советоваться» с картами и схемами. – Это – выход. Но... Тоже лобовой. Тут бы что похитрей. – И спросил ободрившимся голосом: – Японские катера вот здесь, говорите, в излучине? Хорошо. Почти вплотную можно подгрести незамеченными. Так поступим. – Прикрыв ладонью остров, приказным тоном продолжил Богусловский: – Основной десант на лодках высадим на остров, четыремя лодками обойдем остров и атакуем катера. Отобрать четырехвесельные, обложить борта по носу вещевыми мешками с песком. Людей немного. По пять человек. Два станковых и два ручных пулемета. Я сам поведу группу захвата катеров. А с берега завяжем с катерами огневую дуэль. Для отвода глаз.

– Разрешите мне? Я лучше знаю местность, – предложил начальник заставы, но Богусловский недовольно и резко бросил в ответ:

– Нет!

Затем, после паузы малой, спросил, уже не столь резко:

– А охрану участка кому поручим? То-то. Вы за ненарушимость границы на своем участке сейчас особенно ответственны. Ясно? Ну и хорошо тогда, коль ясно.

Через несколько минут отделение с ручным пулеметом скакало по тропе к протоке, чтобы повернуть огонь пулеметов с японских катеров на себя и хоть в малой мере помочь оборонявшимся на острове пограничникам; лодки с десантом на остров поочередно отчаливали от берега, и весла сразу же во всю силу начинали вспарывать встречную воду; рыбаки сельские, свободные от службы пограничники заставы и группа захвата катеров передавали, словно ведра с водой на пожаре, вещевые мешки с песком на лодки, где их укладывали по бортам выше скамеек, сооружая удобные гнезда для пулеметов; спешили все, ибо подстегивала их доносившаяся от острова густая стрельба.

Все четыре лодки отошли от берега одновременно и гуськом потянулись вверх по течению. Вначале было навалились гребцы на весла, но Богусловский попридержал их пыл:

– Пусть десант вяжется в бой. Не спешите.

Чуть-чуть укоротили гребок пограничники, но прошла минута-другая, и вновь с предельной силой лопатили воду весла. Богусловский и сам готов был как можно скорее броситься на помощь сражавшимся пограничникам, но он был командир и действовать сломя голову не имел права. Не только о том, чтобы поразить врага, думал Богусловский, но и о том еще, чтобы поражение это надолго утихомирило провокаторов. И не любой ценой, а малой кровью победить. Потому он, вопреки настроению подчиненных, понимая, что они подневольно выполняют приказ, повторил его сердито:

– Не спешите! Я же сказал!

Плавный изгиб реки – и вот он, остров. Последняя лодка десанта нырнула в кустистый заливчик. Метров триста бежать пограничникам для охвата подковой японо-маньчжуров. Можно бы и навалиться на весла, в самый раз будет, да только берег, что за протокой, молчит. И тут «дегтярь» заработал. А следом – трескучий залп.

– Давай, ребята! – возбужденно скомандовал Богусловский. – Давай!

Вздулись бугристо спины гребцов, гнутся крепкие весла, воронками лихими крутятся за веслами вода, тяжелый нос лодки настырно пашет встречные струи. Все стремительней и стремительней бег лодок. Вот и остров позади. Еще немного, еще... Крутой разворот, и теперь не цугом, а в шеренгу выстроилась четверка, пулеметчики ленты и диски поправляют, дыхание успокаивают, готовые нажать гашетки и спусковые крючки, едва лишь покажутся катера. Остальные пограничники винтовки мостят на вещевые мешки, чтобы с упора бить, без промаха. На веслах всего по одному человеку. Удерживают лодки носом к врагу.

Течение быстро вносило лодки в протоку, вот они уже на уровне мыса, за которым стояли, уткнувшись носом в берег, японские катера. Миг на оценку обстановки, миг на выбор цели, и Богусловский – он сам приладился за «максимумом» – нажал на гашетку.

Один за другим завалились на палубу японские пулеметчики с переднего катера, стрелявшие по берегу. С фронта их защищал бронированный щит, и они были неуязвимы; сами же вели прицельный огонь, а с фланга – целясь только верно да нажимай на гашетку плавно.

Носовой пулемет дальнего катера развернулся, загородившись от лодок щитами, и заплескались веером пули по протоке, защелкали о борта; второй, со среднего катера, тоже повернул ствол на плывущие лодки и тоже заструился дымком, разбрасываясь пулями, но поперхнулся тут же и замолчал, а следом смолк и тот, с дальнего катера, – прикончили пулеметчиков меткими винтовочными выстрелами пограничники с берега, перед которыми, повернув пулеметы к лодкам, японцы оказались незащищенными.

Не ждали японцы такой атаки на катера – кроме пулеметчиков, мотористов и командиров, никого не оставили на них. Мотористы, естественно, даже не поняли, что произошло на палубе, а все три командира, пытавшиеся выскочить из рубок к пулеметам, повалились на палубы, не сделав и нескольких шагов.

– На весла! Живей! – крикнул Богусловский. – К катерам!

Маневр своевременный, ибо тревожно-громкий крик японского офицера будто магнитом выхватил из густой цепи, наседавшей на пограничников, добрую ее часть, и она понеслась к катерам, устрашающе крича и стреляя. Пули неприцельные, шальные, оттого не такие вредные, и не ради того, чтобы спрятаться от них, приказал взяться за весла своим бойцам Богусловский – нужно было во что бы то ни стало оказаться на катерах раньше этой стремительно несущейся и истошно орущей толпы. Иначе – все, иначе – смерть.

Борьба за секунды, за метры. За жизнь борьба!

Еще не ткнулась в корму катера лодка Богусловского, а он, выбросив руки вперед, ухватился за фальшборт и перебросил себя, как на вольтижировке через коня, на палубу и рванулся

к носовому пулемету, вовсе не думая укрываться от пуль, хоть и шальных, неприцельных, но летевших напористо и плотно, словно изголодавшаяся пчелиная семья за вдруг обнаруженным нектаром. Богусловскому было некогда в тот миг думать об опасности, он видел перед собой носовой пулемет с нерасстрелянной лентой, к которому тоже почти уже подбежали японские солдаты, но им еще нужно осилить несколько метров до трапа, еще взбежать по трапу, а он, Богусловский, одолел уже большую часть палубы. Остановиться хотя бы одному из японцев, и – бей почти в упор, пока еще не укрылся за броню. Враз изменится тогда ситуация не в пользу пограничников. Бой принять никто из них пока еще не готов. Но бегут солдаты японские и маньчжурские во всю прыть, торопятся сделать свои последние в жизни шаги, и нет им времени хотя бы на миг один взглянуть на себя со стороны. Стихия! Страшная, всеподавляющая.

А в спешке пограничников много ли проку? Лодки с ручными пулеметами левофланговые – им еще до катеров подгрести несколько метров. С ними, конечно, легче было бы управиться, а поднять «максимы» на борт катеров с лодок – дело не зряшное, да их еще от кормы к носу катить нужно. Тоже минуты. Куда разумней повыпрыгивать бы на каждый катер по двое и – к носовым пулеметам, как Богусловский. И что, если не умеешь из них стрелять – винтовка в руках есть. По трапу все, кучей, самураи не побегут – вот и бей первых, выигрывай для своих пулеметчиков секунды и минуты. Но властвует и над пограничниками стихия, подстегивает их с неразумной лихорадочностью.

Прут дуриком и японцы с маньчжурами, и пограничники, стремясь лишь к одному – опередить; и только Богусловский действует среди этой поглотившей всех бездумно-лихорадочной стихии осмысленно и расчетливо. Еще шаг – и рукоятки пулемета зажаты в ладонях. Неловко, низковато, но до того ли?.. Ссутулившись, повел очередью Богусловский, словно косарь первый рядок намеченного загона, плеснул на трапы соседних катеров, куда уже вбегали самые прыткие японцы, прошелся еще разок по всему фронту и тогда только, оглянувшись, крикнул:

– Стрелки! Быстрой!

Не время объяснять, как важен сейчас прицельный огонь винтовок, пока не подкатят станкачи, пока не вставят ленты. Надеюсь, что поймут без разжевывания. Должны понять! Слишком высокая ставка. На кону – жизнь! Не удержать долго ему одному три трапа. Не удержать. Да и лента пулеметная слишком торопится. Вот-вот кончится.

Возликовал душой: «Молодцы!» – услышав слева выстрел, второй, третий... И пошло, пошло – умеют пограничники стрелять часто и метко.

Вот уже и «максим» повел, отплевываясь, тупым рылом, вот второй «максим» заработал. А следом и ручные пулеметы вплели в общий шум свои голоса...

– Молодцы! – кричал Богусловский, достреливая последние сантиметры японской пулеметной ленты. – Конец вам! Конец!

Предопределен захватом катеров исход боя – это верно. До конца, однако, ой как далеко: упорен японский солдат, к тому же самолюбив неимоверно, себя считает если не сверхчеловеком, то уж, во всяком случае, более разумным, более храбрым – так воспитан с пеленок. Не менее упорны и маньчжуры, правда, по-иному упорны – послушностью упорны, которая кажется бездумно-автоматической. Не бросит оружие маньчжур, если ему велено стрелять. Умирая даже, нажмет на спусковой крючок. Бесцельно может выстрелить, в небо, но все же выстрелит.

Преждевременным, если вспомнить об этом, был, выходит, ликующий крик души Богусловского. И верно: дальнейшие события развивались по логике боя, когда противостоят друг другу храбрые и умелые бойцы, каждый из которых считает, что бьется за святое дело. Японцы с маньчжурами отступили без паники и образовали кольцевую оборону. Огонь их стал реже, но прицельней и расчетливей. Самые меткие пули посылались пулеметчикам. Один «дегтярь» смолк, следом за ним и второй, и только «максимы» продолжали свой уверенный говорок.

Никто из стрелков не кинулся к ручным пулеметам, чтобы заменить своих товарищей, и не оттого, что трусили. Нет, если бы японцы кинулись в атаку, каждый бы из пограничников, не боясь смертельной опасности, лег бы за пулемет, но гибнуть бесцельно никто из них не намеревался, поэтому они не покидали бронированных укрытий. Более того, они начали «изучать» японские пулеметы, ослабив тем самым ответный огонь вражеской цепи.

Замолчал «максим» на соседнем с Богусловским катере. Нет, не убит пулеметчик, не ранен – ленту меняет. А вражеская цепь ожила. Пошла в наступление короткими перебежками. Смелее и смелее. Да, для них сейчас самое главное – катера вернуть. Любой ценой.

«Спровоцировать атаку? – подумалось Богусловскому. – Верно, спровоцировать». – И крикнул:

– Пулеметчикам прекратить огонь! Только винтовочный – редкий!

Своевременно прозвучала команда. На среднем катере японский пулемет уже был «понят» (принцип действия всех систем почти одинаков), и уже, поплевав на ладони, взялся пограничник за рукоятки, да и на дальнем катере к тому же дело двигалось. А начни стрелять катерные пулеметы – подумали бы японцы, прежде чем кидаться в атаку.

Исход, конечно, виден: японцам некуда деваться, но спровоцированная атака приблизит конец боя, а значит, меньше погибнет пограничников. Риск, однако же, есть. Полезут сломя голову – ничем вдруг не остановишь. Маловато на катерах пограничников. Маловато. Заманчиво вызвать отделение с берега, но нет, пусть останется резерв.

Молчат пулеметы, редки и винтовочные выстрелы с катеров по приближающейся цепи, но не поднимаются в атаку японцы: то ползут, то стремительно и коротко перебегают. Все ближе и ближе цепь. Не время ли?

«Поднимутся, – убеждал себя Богусловский. – Должны подняться!»

Уже метров двадцать до катеров, а те только огрызаются винтовочными выстрелами. Еще на пять метров сокращено расстояние, и тут гортанный крик взметнул цепь... Нажимая на спуск, Богусловский крикнул истошно:

– Огонь!

Отступили, кто остался жив, к своим, и вновь началась дуэль. Ну чего бы вроде сопротивляться после таких потерь? Так нет, сузили только фронт цепи круговой, и видно было – не возьмешь их без атаки, без рукопашной. Кровавопролитно, но и затягивать бой нет никакого смысла, ибо вполне может подойти к японцам подкрепление. На это, похоже, и рассчитывают провокаторы. Хотя и нет на японо-маньчжурском посту катеров, но, возможно, спешит уже с других постов помощь...

Правда, и наших два катера тоже должны подойти вот-вот. Давно уже высланы. Нужно ли, однако, разжигать конфликт, втягивая в него все новые и новые силы? Далеко так может зайти. Да, лучше атаковать.

Прошипела зеленая ракета, и вот уже отделение на четырех лодках – их еще загодя приготовил начальник заставы, прекрасно замаскировав, – пересекает протоку правее и левее катеров и, рассекая ивняк, упирается в берег острова. Выдерживает паузу Богусловский, чтобы подобрались пограничники поближе к вражеской цепи, затем командует:

– Две красного дыма!

Это значит, что по первой ракете – огонь со всех видов оружия. Максимальный огонь! А когда распушит красное облачко вторая ракета – рывок в атаку. При огневой поддержке на какое-то время, пока не опасно для своих, с катеров.

Сошлись две упрямые силы, сшиблись в смертной круговерти. Да не долго пыжились японцы и маньчжуры – покрепче русский солдат, поспортивистей, к тому же он свою, советскую, землю обороняет от алчности наглой, оттого и злей, оттого и решительней. Вот и угомонился вскоре бой. Задымили самокрутками и «Севером» всласть, без спешки пограничники,

подставили потные лица ветру нежному, речному. Еще не время считать раны, считать потери – каждый своей жизнью наслаждается, не думая ни о чем. Полной мерой ощущает жизнь.

Через несколько минут и бинты в ход пойдут, и появятся слова искренние, полные сочувствия, и фальшиво-успокоительные: «Ничего, обойдется! Походим еще в наряды», – а бережные руки поднимут самых израненных и перенесут в удобное место, поближе к берегу, чтобы поскорее погрузить на катера, как только они причалят. Только через несколько минут живые и здоровые начнут исполнять печальный свой долг, но не перестанут и тогда радоваться жизни, хотя скорбь властно навалится на них.

Труден бой, но не менее трудно после боя. Не каждый себе в этом признается, но каждый пограничник испытал на себе это многократно...

Комэска и взводные подошли к Богусловскому, который устало спустился по трапу на берег, и остановились подле него. Они не поздравляли друг друга с победой, они молчали, осмысливая шаг за шагом весь бой, от начала и до конца, чтобы оценить для себя, для своей совести, все ли сделано так, как надо, и можно ли было выиграть схватку с еще меньшей кровью.

– Спасибо, товарищи, – прервал наконец молчание Богусловский. – Спасибо. Списки отличившихся представить мне сегодня же. – И поднял предостерегающе руку, уловив далекий перестук катерных двигателей. Прислушался. Точно. Сверху идут. Должно быть, свои. А если японцы? Бережливого коня зверь в поле не бьет.

– К бою, товарищи.

Пограничные катера подошли. Начальник войск округа Оккер, два военврача с ним и взвод станковых пулеметов. На полчаса раньше бы этот взвод, тогда в самый раз, а теперь – обуза. Застава – она не резиновая, но всех и накормить нужно, и спать уложить. Вот врачи, они кстати. Очень кстати.

Положенным условным докладом встречает Богусловский начальника войск, но тот прерывает:

– Без доклада вижу: молодцы! Внушительный урок самураям. Весьма, батенька мой, внушительный.

Подошел к раненым, возле которых уже хлопотали врачи, изучающе посмотрел на каждого, словно стараясь запомнить эти отрешенно-терпеливые лица, эти покусанные до крови губы, эти упрямые жгуты на скулах. Молвил, вздохнув:

– Не убереглись, сынки. Не убереглись. Поставят вас врачи в строй непременно, но наперед зарубите себе на носу: под вражескую пулю себя подставить – дело нехитрое, а нужно, победив, живым и невредимым остаться. В этом главный смысл ратного труда.

Перемолвился с ранеными еще десятком фраз, предназначались которые для убеждения раненых, что ради святого дела пролита их кровь, затем, пожелав им быстрого излечения, пригласил Богусловского на катер.

– Тут, Михаил Семеонович, без нас теперь управятся, ты же мне расскажешь, как баталию эту победную провел... Потом о делах твоих потолкуем. По-семейному потолкуем.

Будто иголкой кольнуло в сердце Михаилу Богусловскому это «по-семейному». Их нынешние отношения были далеки от тех, которые сложились в Жаркенте. Там проблемы службы они могли запросто обсуждать дома за чашкой чая, говорить свое мнение совершенно откровенно, не стесняясь того, что мнение это может быть воспринято с обидой; там радость и боль одной семьи становились общими – то была истинная солдатская дружба, красивая простотой своей и искренностью.

Когда по навету, истоков которого и по сей день Богусловский не представлял, его обвинили чуть ли не в измене Родине, Оккер сделал все, чтобы обелить его имя. А когда уезжал на Дальний Восток принимать под команду округ, настоял на том, чтобы его, Богусловского, назначили начальником отряда. Поздравляя с назначением, сказал тогда:

– Не ради дружбы сделал я это, но ради истины. Ты патриот! Ты знающий службу и думающий пограничник. Ты уважаешь подчиненных. Запомни: это не подачка – по чести и совести ты достоин этой должности.

«Запомнил» – не то слово. Это врезалось в сознание, вдохновило, стало поддержкой в трудные минуты, каких в жизни командиров-пограничников ох как немало.

Несколько лет отряд Богусловского числился в передовых, и все чаще окружные офицеры проговаривались, будто невзначай, по-дружески, что предстоит ему повышение. Увы, намеки оставались намеками, повышение по неведомым Богусловскому причинам не выходило, а когда сравнительно успокоилась казахстанская граница, обеднела стычками с белоказаками и басмачами, когда все, кто стремился откочевать за кордон со своими несметными отарами овец, конскими табунами, многочисленными женами и верными нукерами, откочевали либо погибли при переходе границы; когда оставшиеся на своей родной земле взялись обихаживать ее – вот тогда получил Богусловский предписание о переводе на ту же должность на Дальний Восток. Объяснение сему простое: там нужнее его, Богусловского, опыт, знание и завидное оперативно-войсковое мышление.

Анна весьма обрадовалась переводу, предвкушая встречу с подругой своей Ларисой Карловной; доволен был и сам Михаил Богусловский, что вновь окажется под началом человека, которому верил безгранично и, главное, который был вместе с братом до последнего его вздоха; и даже сын, давно забывший бы добрых дядю и тетю, если бы родители не питали его память частыми воспоминаниями, – даже их Владик расшалился на радостях настолько, что пришлось родителям строжиться, хотя это и противно было их душевному состоянию.

Оккеры встретили Богусловских на вокзале и повезли к себе домой. Ни о какой гостинице и слушать не хотели. Увы, в тот первый вечер появился в их прежней искренней дружбе едва заметный раскол. Но если мужчины отошли лишь на небольшую дистанцию, что вытекало из естественного положения дел, ибо Владимир Васильевич в новой своей должности уже стал привыкать к покровительственной манере общения, к фальшиво-панибратскому «батенька мой», к непререкаемости тех истин, которые он глаголил, то между женщинами щель пролегла весьма глубокая, края которой никакими крюками не стянешь. Причина? Самая обыденная, но самая живучая в людской среде. Имя ее – зависть. Сколько из-за нее, проклятушей, людей погублено, сколько судеб покалечено!

На сей раз, правда, дело так далеко не зашло. Лариса Карловна не объявила войну Анне, наоборот, она была приветлива в обращении с ней, она ласкала Владика более нежно, чем свою дочь Вику, но иногда была не в силах сдержать завистливой холодности во взгляде. Владик, который был старше Виктории всего на два года, выглядел по сравнению с ней настоящим богатырем: высок, сбит, фигурист, пухлощек и румян, что тебе девица красная. Вика же казалась в своем дорогом кружевном платье замарашкой некормленной, загнанной и забитой, и только в глазах ее поблескивали шаловливые бесенята, что говорило о ее здоровье, об естественном ходе развития ее организма. Да, Вика проигрывала по сравнению с Владиком, а для матери любой, самой воспитанной, самой доброй, это – не ложка меда к чаю.

Но главное все же было в том, что Анна Павлантьевна лишь чуточку пополнела, отчего фигура ее стала еще более привлекательной, еще более женственной, лицо ее сохранило свою прежнюю свежесть, будто не калило его нещадно степное щедрое солнце, а Лариса Карловна, напротив, сильно сдала: лицо стало еще более тяжелое, под глазами дряблые морщинки, хотя и тщательно запудренные, но все равно заметные; да и фигурой она проигрывала, ибо слишком пополнела и раздалась в бедрах, отчего и походка стала не столь легкой, как прежде, – такое женщины замечают сразу, и мало кому из них удастся подавить зависть. Возможно, даже безотчетную.

Прошли наконец те несколько дней, которые нужны были Богусловскому для знакомства с обстановкой в округе, с офицерами штаба, кончились вечерние чаепития на манер тех, жар-

кентских, только с натянутой радушностью; позади и беседы о том, как ему, Богусловскому, начинать дела. На вокзал Оккеры поехали проводить Богусловских всей семьей. Лариса Карловна, повторяясь многократно, приглашала Анну Павлантьевну с Владиком чаще приезжать в гости, как к себе домой, а Владимир Васильевич напутствовал:

– Помни, полагаюсь на тебя с большой надеждой. У прежнего все юзом шло, ты же, батенька мой, думаю, не подведешь меня, коли дружбою дорожишь...

Много после тех проводов приходилось встречаться Богусловскому и Оккере по разным поводам, в различных обстоятельствах, ни разу, однако, не предлагал Оккер по-семейному побеседовать.

«Вот так, ни за что ни про что, не стал бы делать вольт начальник войск... Не стал бы... – размышлял Богусловский, шагая, чуть отстав, за Оккером. И ошпарил душу внезапный вывод: – Худы не только мои дела, но и его. Дружбу прежнюю вменяют ему в вину. И то, что Ларису Карловну от напраслины огородил. Что ж, будем искать выход вместе. Или он о себе больше станет печься?»

Совершенно несправедливо думал Богусловский об Оккере. Его тревожные дни и бессонные ночи остались уже позади. Действительно, следователь Мэлов, тот самый, что когда-то вел дело Ларисы Карловны, затем возбудил следствие против Михаила Богусловского, но вынужден был прекратить его и в виде наказания был переведен на Дальний Восток, приглашал начальника войск округа к себе. Беседа шла о Богусловском, и Оккер понял, что следователя интересуют подробности доклада Богусловского о, как тот выразился, «расправе с патриотами». Не было, казалось, резона скрывать от следователя ничего, но Оккер не рассказал о содержании разговора Богусловского с раненым нарушителем. Удержало то, что следователь отчего-то пытался затушевать свою в том заинтересованность. Колесил вокруг да около, а прямо так и не спросил.

Более часа длилась беседа. Подытожил ее Мэлов так:

– Я знаю, что начальник отряда ваш друг, в прошлом сделал услугу вашей жене, тогда еще невесте, а стало быть, и вам. Хочу поэтому предупредить вас: любое действие ваше, направленное на затруднение следствия по делу преступного самоуправства, мы вправе расценивать как соучастие в преступлении. В ближайшие дни я попрошу вас письменно объяснить по поводу вашей сомнительной дружбы с преступником...

Как удержался, чтобы не нагрубить следователю, Оккер, он даже самому себе не мог потом объяснить. Возможно, цинизм сказанного привел его в шоковое состояние, лишил способности на какое-то время и мыслить, и сопротивляться?

Вернувшись в свой кабинет, Оккер тут же позвонил по прямому проводу в Москву. Доложил обо всем без утайки, но был краток, лаконичен (опасность заставила собраться, а надежда на помощь придавала силы) и убедителен.

– Хорошо, будем разбираться, – неопределенно сказали на том конце провода, и связь прервалась. У начальника войск округа даже не спросили, какова оперативная обстановка.

Надежда испарилась, как пустынный мираж, и Оккер, боевой командир, умевший даже в смертельно опасных ситуациях поступать согласно обстоятельствам и осмысленному расчету, командир, который сам не боялся ни пуля, ни клинка и учил подчиненных своих храбрости и лихости в борьбе с врагами, – этот командир под бременем непривычной ему опасности оказался совершенно беспомощным. В подсумках его не оказалось ни одного патрона. Вызвав ординарца, он попросил:

– Машину, пожалуйста. Поскорее. – И добавил глухо: – Домой поеду.

Ни ординарца, ни тем более водителя несколько не удивило, что командир, обычно возвращавшийся домой очень поздно, уезжал из штаба среди бела дня. Рассуждали, в общем-то, верно: раз едет, стало быть, требуется. И хмурость его объяснили по-своему: ЧП где-нибудь, япошки снова набедокурили. Никто ничего у него не спросил, и Оккер посчитал, что держит

себя в руках, не показывает вида подчиненным, что растерян. Рассчитывал, что и дома жена не заметит его душевного смятения. Приготовился соврать, если Лариса спросит, отчего рано, что выдалось свободное время. Лариса, однако, сразу же, как только открыла ему дверь, почувствовала совершенную необычность состояния мужа. Дрогнуло и у нее сердце. Она привычно пропустила его в прихожую, но не задала обычного вопроса: «Как прошел день?» – не осталась стоять в сторонке, ожидая, пока муж повесит мундир, а затем переобуется в мягкие шлепанцы; она подошла к нему, сама сняла фуражку, оттерла ладонью пот со лба и начала расстегивать мундир. Это было так непривычно для Владимира Васильевича, так неожиданно, что он даже отшатнулся, но Лариса мягко положила руки на плечи, притянула его к себе, поцеловала и попросила:

– Не упрямясь.

Впервые за все годы их совместной жизни Лариса помогла мужу раздеться и, не понимая того, еще более усугубляла его тревогу, еще более обезоруживала его, делала его еще более беспомощным. Лариса всегда была сдержанна с ним. Она, не понимая того, обкрадывала и его, и еще больше самое себя, но так уж сложилась их жизнь. Поначалу она не делала того, что считала оскорблением ее любви к товарищу Климентьеву, под грузом душевной раны, нанесенной Андреем Левонтьевым, а затем, когда рана уже затянулась и перестала кровоточить, под грузом самоуверенности, что она не вправе хоть чем-либо запятнать свою первую и единственную любовь. Владимира Оккера поначалу это сильно угнетало, но он надеялся, что со временем Лариса изменится, а после привык к сложившимся меж ними отношениям, не представляя даже, что они могут быть у мужа с женой иными – более нежными, более пылкими и более чуткими...

– Пойдем в гостиную. Приляг на диван, а я сварю кофе.

Она положила ему под голову думку и, поцеловав и попросив: «Лежи, я сейчас», – поспешила на кухню, оставив его удивляться столь необычному ее обращению.

На душе кошки скребут. Он уехал из управления, чтобы остаться одному, и вот – он один. Пустота вокруг. Безжизненность. Не для него она, и он с нетерпением ждал, когда Лариса позвонит в столовую, и думал, имеет ли он право рассказать о дамочковом мече, так неожиданно нависшем и над Богусловским, и над ним самим, и не находил верного решения.

Вошла Лариса с подносом, и гостиная наполнилась бодрящим ароматом. Оккер хотел было подняться, но Лариса опередила:

– Лежи, я подам.

Он пил кофе, а она перебирала пальцами его волосы, разглаживала морщины на лбу и у глаз, а когда он похвалил кофе, она благодарно поцеловала его.

Владимир Васильевич не спешил допивать кофе, растягивал блаженство. Прежде, бывало, он вот так же цедил сквозь пальцы волосы Ларисы, разглаживал морщинки, и, хотя для нее все это было приятно (он видел это), она, однако же, сдерживала ответные ласки. Сегодня же они поменялись ролями. Ему тоже хотелось обнять жену, прижаться головой к ее пышной груди, но он продолжал пить мелкими глоточками кофе, как привык в Средней Азии вдыхать чай из пиал.

И на следующий день Лариса была чуткой и нежной. И на следующий... И вконец разморенный не испытанными прежде ее ласками, он разоткровенничался. Рассказывал, а сам боялся, что она расстроится, вспомнит о том времени, когда сама была под следствием, вспомнит все и вернется ее прежняя сдержанность; он никак не хотел потерять того, что так неожиданно обрел, но продолжал свой печальный рассказ.

Реакция Ларисы Карловны тоже оказалась неожиданной. Ни грамма печали. Только возмущение.

– А, этот Мэлов, значит? Тогда все понятно! – зло заговорила Лариса. – Почему ты, Володя, прежде мне не сказал о нем? Я бы Сталину письмо написала. Либо его перевели бы отсюда, либо нас. Я сегодня же напишу...

– Не спеши, подождем решения. Я тебя очень прошу.

– Хорошо. Но не попадись ему на крючок. Ни в коем случае никаких письменных свидетельств. Он хочет, чтобы ты отрекся от Богусловского. Он предателем тебя сделать хочет! Эка фрукт! А тебе не кукуться, а бороться нужно. Действовать!

– Нет, чести я не запятнаю. Что бы ни случилось! И отрешусь от непротивления злу. Непременно!

Лариса Карловна была совершенно искренней, так заботясь о Богусловских. Возникшая зависть к Анне и Владу притупилась, но, даже будь она по-прежнему острой, иначе бы Лариса Карловна не поступила, ибо речь шла не о красоте бедер и бюста – речь шла о судьбе. А Лариса Карловна помнила все, что сделали для нее Богусловские. И искренность Ларисы, ее настойчивость для того душевного состояния Владимира Васильевича имели весьма серьезный вес. Даже решающий. На следующий же день Оккер начал активное противодействие Мэлову. Он попросил начальника штаба отряда донести лично ему рапортом о том, кем и когда был разработан план внезапных проверок и согласно ли утвержденному плану выезжал на стыковую заставу начальник отряда. Письменного рапорта, тоже лично ему, потребовал Оккер и от коменданта участка, который первым прибыл к месту боя и все видел своими глазами. Он не сказал о предстоящем следствии, но предупредил, как важна в рапортах скрупулезная точность. Своего начальника штаба он попросил подготовить справку об указаниях штаба округа по проведению внезапных проверок.

Документы, которые Оккер собрал, не оставляли сомнения в том, что Богусловский действовал верно, не афишируя своего выезда. Никакой тайной преднамеренности у того не было, никакого злого умысла. Это немного успокоило, но Оккер понимал прекрасно: все решит ответный звонок из Москвы. И его судьбу, и судьбу Богусловского.

Только после нескольких тревожных дней и бессонных ночей раздался долгожданный звонок. Первые слова ободряющие: «Работайте спокойно...» А дальше – засека, которую не враз осилишь: Мэлову не мешать, но и не содействовать, личного объяснения письменно не давать. Резко отказываться, однако, не стоит. Лучше всего – обещать и оправдываться за невыполнение обещания занятостью чрезмерной. С Богусловским контакт минимальный. Информировать об этом телефонном разговоре его ни в коем случае не следует. И вообще никаких советов, как вести себя со следователем, не давать.

Не стал возражать Оккер против последней рекомендации, хотя был с ней не согласен. А когда рассказал об этом Ларисе и та определила такую позицию улиточной, решил он раскрыть Богусловскому почти все карты. Искал лишь повода для поездки в отряд. И вот – Барковский. Никто не мог теперь упрекнуть его в преднамеренном контакте с Богусловским.

...Они уже подошли к трапу, как вдруг Оккер обернулся, остановившись, и сказал твердо:

– Нет. На катер не пойдем. Рассказывай и показывай. Так будет понятней.

«Не хочет, чтобы кто-либо вдруг услышал случайно разговор... – со все больше укрепляющейся неприязнью к бывшему другу подумал Богусловский. – Эка напуган. Не борец за правду... Не помощник!»

Начал с подчеркнутой официальностью:

– Выезжая сюда, я ослушался следователя. Он позвонил мне тут же, после вашего приказа возглавить операцию...

– Постой, постой... Тебе он велел не покидать отряда?

Для Оккера было неожиданно и оскорбительно услышать о том, что следствие Мэлов начал, не оповестив его, начальника войск округа. Мэлов, правда, не подчинялся ему, но элементарная субординация предполагала информацию. Оттого и не сдержал столь поспешного

вопроса Оккер. Богусловский же расценил его по своему разумению. Ответил, едва подавляя раздражение:

– Решение о выезде я принял сам. Возможные обвинения полностью приму на свой счет!..

– Эка, батенька мой... Спасибо за пощечину. Ну да, может, и заслужил. Только вряд ли. –

Вздохнув, сказал примирительно: – Ладно, поставим все на свои места, только послушаю я вначале доклад твой о бое.

Скупым военным языком докладывал Богусловский, а Оккер понимал, с каким смелым риском действовал тот и как ловко были захвачены японские катера, что в конечном счете принесло столь внушительную победу: трофеи, пленные, но, главное, хороший урок преподан провокаторам.

– Молодец, Михаил Семеонович! Одно слово – молодец! На орден представляю! Красного Знамени – не меньше! – И, поглядев в сторону Хабаровска, молвил злорадно: – Посмотрим, как Лазаря петь станешь! Посмотрим! – И вновь к Богусловскому: – А случись у тебя осечка – трудновато бы пришлось. Усугубил бы и без того...

– Повторяю, я вполне осознанно выехал сюда с эскадромом. Я не собираюсь, сложа руки на груди, взирать молчаливо на свершающееся зло. Преднамеренное зло! Я не баран, приговоренный на заклятие!

– Похвально, конечно, твоя решимость. Иного я и не предполагал. Только понять ты должен: обвинения сфабрикованы очень серьезные. Не перебивай. Не бычься. Послушай. Мэлов мне предложил письменно отречься от тебя. Иначе, мол... И вот, как на духу: труса спраздновал было. Чем бы все окончилось, не могу сказать, если бы не Лариса. Молодец она. Силу вдохнула. И знаешь, Михаил Семеонович, лаской взяла. Иной теперь стала, – не удержался Оккер, чтобы не поделиться радостью с другом, – совсем иной! Счастлив я теперь вдвойне: тебя не потерял, себя уважать не перестал, ее будто вновь обрел. Сегодня мне практически ничего не грозит, а тебе... – И приостановил речь. Не забывалась настоятельная просьба Москвы не вмешиваться в ход следствия. Ни на миг не забывалась. И о последствиях думал. Какие они могут оказаться? Решился все же на совершенно откровенный разговор: – Все, что я тебе скажу, только для твоего пользования. Нигде, ни при каких обстоятельствах...

– Клянусь честью!

– Верю без клятвы, – прервал Богусловского Оккер. – Сказал в порядке предупреждения. Так вот... Тебя обвиняют в действиях, кои можно квалифицировать как измену. Значит, так: несколько месяцев назад сосед твой задержал перебежчика, который даже со мной не пожелал беседовать. А суть вот в чем: в приграничных городах закордона есть, по словам того перебежчика, большая «партийная организация», подпольная, естественно, и руководит ею Ко Бем Чен...

– Постойте, постойте! Я слышал эту фамилию. До революции еще слышал. Он разработал интересную систему быстрой доставки шпионской информации. Как пример это нам приводили.

– Верно. Имел он в девятьсот пятом подряд на поставку фуража и продовольствия японской дивизии, не помню номера, но главное его занятие – шпионаж. Агентура его под видом торговцев разъезжала в местах дислокации русских войск, собирая нужные японцам сведения. Доставлял их Ко Бем Чен с фантастической быстротой с помощью постов связи, кои имел он через пять-шесть километров, с несколькими скороходами на каждом. Уложится гонец в определенное нормой время – получает десять иен. Доставит на соседний пост донесение раньше – получай за каждую минуту в два раза больше. Но и сам Ко Бем Чен не оставался в накладе, как показало время, от такой щедрости. После войны – он видный промышленник. Дружбы с японцами не порвал, а недавно ездил в Токио. Старик, а не побоялся дальней дороги. Не попусту же? Мы имеем данные, что встречался старик там с полковником Кавамойдой – началь-

ником советского сектора генерального штаба ихнего. Не исключено, что имел встречи и с представителями «Черного дракона». Не тебе объяснять значение тех встреч...

– Да, «Черный дракон» – это непосредственно против нас. Шпионаж и диверсия.

– Таков руководитель так называемой «партийной организации». Ищет выходы на нашу территорию. Постоянные, надежные выходы. Просит открыть школу, где бы могли обучаться, как они говорят, «проверенные коммунисты».

– Ого! Наглость высочайшая. Не удосужились даже имени своего резидента сменить.

– Самонадеянность чрезмерная, это уж точно. Состряпали легенду, что бежал, дескать, из японской тюрьмы политический заключенный, профессиональный революционер; предполагают, что клюнем мы, что никто не станет заглядывать в архивы царской контрразведки. Но я все это рассказал не для критики просчета японской разведки, а для того, чтобы ты понял, как чудовищно по своей сути обвинение в твой адрес и как оно вместе с тем весомо. Тебя, короче говоря, обвиняют в расстреле посланцев Ко Бем Чена. Сделал ты это, чтобы осложнить и запутать начавшуюся игру с японской разведкой. И вопрос поставлен так: не причастна ли к этому расстрелу сама японская разведка? Теперь понятно, какие у тебя трудности впереди? Видимо, в самое ближайшее время тебя отстранят от должности...

– Но я же докладывал вам, Владимир Васильевич, о признании раненого. Я буду бороться за правду!

– Только без горячки. Моя просьба, если хочешь – приказ: ни устно, ни письменно следователю об этом не сообщать. Мы продолжаем поиск. Не только у нас – во всем городе нет человека с фамилией Ткач. Скорее всего, это кличка.

– Но, быть может, прежняя фамилия. Мэлов, допустим. Не мог он быть до революции Мэловым?

– Бездонен этот путь. Где и когда менял он свою фамилию? И единожды ли менял?

– Знал я Ткача. Дружны были наши семьи: Левонтьевы, Богусловские и Ткачи. Самый младший из Ткачей, Владимир Иосифович, штурмовал Зимний. Камен потом хотел вынести, да попался. Посмотреть бы на Мэлова...

– Идея верная. Я подумаю, как ее осуществить. Ну а раз уж ты сам заговорил о прежней дружбе с Левонтьевыми, открою, что второе, не менее тяжелое, обвинение – твоя женитьба на сестре эмигранта-белогвардейца, ярого антисоветчика.

– Бедная Анна! Что я ей обо всем этом скажу?

– К ней Лариса моя собирается. Вместе с Викой.

«Это прекрасно», – хотел сказать Михаил Богусловский, но сдержал восклицание: к ним подходил командир эскадрона, а ему совершенно ни к чему знать хоть частицу разговора начальника отряда с начальником войск.

Комэска сам не мог решить, что делать с убитыми японцами и маньчжурами. Спросил:

– Может, передадим?

– Заманчиво, – как бы рассуждая сам с собой, заговорил Оккер. – Пусть бы солдаты ихние полюбовались, что ждет их на нашей земле. Очень заманчиво. Они, однако же, перевернуть все с ног на голову могут, обвинят нас бог знает в каких грехах... Лучше похоронить здесь, на острове. – И уже решительно, как приказ: – В одну могилу всех! Да простят нам их матери и жены – не мы вояк этих сюда звали. Не мы!

Глава третья

Еще несколько недель назад Мэлову представлялось, что дела его идут без сучка без задоринки. Все следственные дела, какие он начинал, оканчивались так, как задумывались, и им были довольны. Неудача с Богусловским в Казахстане ему давно уже простилась, хотя последствия той неудачи ощутимы и по сей день. По чьей-то воле (взглянуть бы на того человека, кто спас его, Мэлова, и сделал вечным рабом) выхватили его буквально из костра, на котором он сгорел бы в два счета. Ловко, как казалось Мэлову, подстроил он Богусловскому ловушку. Одно было нехорошо – не мог сам вести следствие, поэтому поручил одному из своих подчиненных, самому, как думалось Мэлову, доверчивому и податливому. Поначалу так и вышло: поверил тот и показаниям казака-перебежчика, который искренне был убежден в том, что, сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит, и, когда Мэлов подсунул ему мысль, не по приказу ли Богусловского кормили коней размоченным овсом и сеном, чтобы обезножили они, казак даже обрадовался: «И у меня такая думка свербилась!»

Показания тот казак давал старательно, с душой, по его получалось, что из экспедиции убрали его, потому как боялись, что может помешать злему делу. И по поводу Васина тоже сомнение высказал, будто и тот мог продаться. И выходило, не будь его, казака-перебежчика, не дотянули бы ученые до конца маршрута, умыкнули бы их. Поверил следователь искренности доносчика, начал дело с возмущением: «Ишь ты, в пограничные войска пролезли! Не выйдет! Очистим!» – но, еще когда находился в отряде, стал требовать бывшего урядника Васина, которого Мэлов не смог поколебать, поэтому под предлогом недоверия настоял, чтобы перевели его в другой отряд, в хозяйственное подразделение. Согласиться на вызов Васина Мэлов не мог, но не мог и уговорить следователя отказаться от такой мысли...

Туго затягивался узел. Оставалось одно – убрать следователя, свалив затем всю вину на Богусловского. Но наивный с виду следователь оказался чрезмерно проницательным. Не удалась засада и в дороге, не удалась и возле дома. Усугубило все предписание из Москвы о прекращении следствия. Это был провал. Теперь уже полный. Мэлов уже видел себя в тюремной камере, понимая, сколь суровой будет расплата. Нет, не из-за Богусловского, здесь зло еще не совершено, припомнятся другие дела, которые он вел сам...

А вместо тюрьмы – Москва. Его привезли в приличную гостиницу и поместили в хороший номер, сразу же предупредив, что ждать решения судьбы придется несколько дней, но все образуется при условии, конечно, если он поведет себя благоразумно.

Не поняв, о каком благоразумии сказано, он тем не менее не пытался даже делать какие-либо предположения, философски заключив: «Жизнь подскажет», – и спокойно ожидал более делового разговора.

Вспомнили о нем только через неделю. Приехавший за ним юрист услужливо открыл дверцу эмки, и, пошныряв вначале по узеньким переулкам, покатила легковушка, к удивлению и недоумению Мэлова, за город, а через час, протиснувшись сквозь густой лес по узкому щебеночному отвилку, вырулила на берег озера, где стоял старинной постройки теремок, окруженный глухим тесовым забором.

В том теремке, у ярко пылавшего камина, хотя вечер был теплым, Мэлов узнал, в чем состояло его будущее «благоразумие». Хозяин теремка, назвавшись Трофимом Юрьевичем, предложил поудобней устраиваться в кресле, сразу предупредив:

– Если жарко – потерпите. Камин – моя болезнь.

Подождав, пока Мэлов усядется в просторное и мягкое кресло и станет готовым слушать серьезную речь, заговорил с сухой официальностью:

– Если бы тот человек, кому вы обязаны спасением своим, не знал наверняка, что вы получили дореволюционное юридическое образование, он бы не поверил. Все ваши дела уязвимы.

Легко уязвимы. Попади они в руки мало-мальски знающего ревизора, и... Остается надеяться, что, пока мы живы, они не увидят света божьего. Впрочем, пыль архивную всегда можно смести мягкой щеткой...

– Я готов выслушать ваши рекомендации, – вполне поняв, что собеседник страшит не ради словца красного, перебил Мэлов. – Мои стремления и мои поступки не безошибочны, но искренность их...

– Не сомневаюсь, – остановил недовольно хозяин. – Не сомневается и проявивший заботу о вас. Оттого вы – здесь. Но вы оговорились: не рекомендации, а условия. Выполнение коих непременно. Первое и главное – полная координация своих действий с интересами общими. У вас во взгляде вопрос? Вы забыли житейскую мудрость: много будешь знать – скоро состаришься. А у старости известный конец.

Не церемонился с гостем хозяин, хлестал наотмашь, вовсе не заботясь о том, больно или нет собеседнику. Но самым обидным оказался финал беседы:

– Знать будете только одного человека. Серьезных поручений никто вам не даст – не рассчитывайте. Этого добиваются делом. А пока самое большое – почтовый ящик. И повторяю, больше никаких глупых следственных дел. Никаких! Запомните! Зарубите себе на носу. Больше я вас не задерживаю...

Снизолел, подав на прощание руку. Но с кресла не поднялся.

Проглотил Мэлов обиду, ибо хотел жить. И уже в гостиничном номере, поразмыслив, пришел к выводу, что новое его положение даже лучше: не одному думать и решать – меньше, стало быть, риска.

Дальше все шло, как и должно было идти при перемещении по должности: беседы в кабинетах кадровиков, у начальства, ознакомление с обстановкой и – путь. Долгий-долгий. Почти через всю Россию, всю Сибирь.

Времени для раздумий хоть отбавляй. И когда Мэлов подъезжал к Хабаровску, то те его московские, гостиничные уверенность и спокойность выветрились, словно миражная призрачность. От всего виденного за многие дни пути у Мэлова осталось такое впечатление, будто вся Россия, а следом за ней и Сибирь, отличавшаяся прежде раздумчивой медлительностью, засуетились, спешат, подхватившись сделать недоделанное веками, перестроить веками мешавшее вот этой вольной суете, теперь не только позволительной, но и всячески поощряемой. Проснулась великая Русь, зарысила орловской размашистой рысью по дороге истории, и какая рука может осадить бег вольный, кто в силе передернуть закушенные удила?! Он, Мэлов, своими комариными укусами? Либо тот, самодовольный, чванливый интеллигентишка, не видящий ничего, кроме каминного костерка?

Нет, не запалать великому очистительному пожару от каминного огня!

Сомнения, однако, остаются сомнениями, откровения – откровениями, а жизнь – жизнью. И коли назвался груздем – полезай в кузовок. С желанием или помимо воли, это уже, как говорится, несущественные мелочи, которые никого не волнуют...

Первое, что Мэлов сделал в Хабаровске, нашел удобный особнячок в тихой окраинной улочке и сообщил, как было договорено, в Москву свой новый адрес.

Каждый вечер ждал, что кто-то придет к нему и, назвав пароль, потребует каких-то действий; но проходили недели, тянулись месяцы, а никто не тревожил его. Мэлов, облюбовав уже нескольких краскомов, мыслящих, ищущих и поэтому уязвимых, готовил на них досье, однако предпринимать что-либо самостоятельно не решался. Порой ему думалось, будто о нем забыли вовсе, и тогда лелеялась надежда на совершенно спокойное житье; но чаще представлялось, что тот «каминный ментор» отмахнулся от него, как от писклявого комара, и это порождало даже обидные мысли. Сгладилось со временем впечатление, оставленное поездкой через страну, смикшировалась острота чувств и противоречий, и Мэлов костерок каминный видел теперь в ином масштабе, значительном, угрожающем. Сколько таких каминов по пригородам

в глухих дачах у лесных озер, думал он, которые пока пылают в одиночку, но которые в конце концов сольются, и пойдет пластать, как здесь говорят, верховой пал, от которого нет спасения. Мэлов не хотел сгореть в том огне, ему представлялось лучшим погреть озябшие руки, любуясь лишь заревом и сознавая, что и его, Мэлова, немалая доля в том пожаре...

Противоречивым тем мыслям и надеждам поставил точку утренний визит простодушного толстячка в модной косоворотке. И хотя верхние пуговицы рубашки были расстегнуты, да и сам ворот был низок и мягок, он, казалось, безжалостно теснил рыхлую шею, создавая неловкость хозяину. Толстячок, однако же, будто вовсе не реагировал на ту неловкость, лицо его было покойно и благодушно, голос мягкий и ровный:

– В самые ближайшие дни придут к вам гости. Двое. Казаки. Для вас они – Есаул и Елтыш. Вот этот конвертик – для них. Спрячьте его, спрячьте до ухода на службу. Чтобы никто, кроме вас, не ведал. Когда посетят – дадите знать. Вот на это окошечко – герань. Расстарайтесь обзавестись геранью. Если чайком попотчуете – не откажусь. Только уж без кухарки. Сами не считите за труд...

Обещанные «самые ближайшие дни» затянулись на добрые две недели. И каждый вечер – полный тревоги. Издергался Мэлов, даже на работе сослуживцы заметили его беспокойность душевную, то один, то другой участливо осведомлялись, не захворал ли. И как ни пытался Мэлов взять себя в руки, ничего из этого не выходило.

Наконец пожаловали. Оторопь взяла, как вошли. Словно клещами сдвинул руку Елтыш, по виду и впрямь похожий на неподступный, в сучковатых наростах комель. Еще внушительней – Есаул. Один взгляд чего стоит. Так и сверлит, так и гвоздит. Когда готовился Мэлов к встрече гостей, репетировал хозяйскую холодность и высокомерие, предполагая вести разговор примерно так, как велся с ним в подмосковной даче у камина. Но вдруг безотчетно вернулась манера робко притрагиваться подушечками пальцев к усам перед тем, как что-то спросить либо что-то посоветовать.

А гости или сразу раскусили состояние хозяина, или знали, что не велика птица, поэтому вели себя беспардонно. Особенно Есаул. Развалился в кресле, словно придавив его своим могуществом, и приказывает:

– Давай, паря, пошустрей, что передать нам велено. Век тут вековать негоже нам. Пошустрей давай...

Посмотрел сомнительно на тощий конверт, который торопливо принес Мэлов, спросил с недоверчивой сердитостью:

– Все, что ли, паря? Не оболясишь?

Встанет сейчас и – хрясть кулаком между глаз для острастки. Съежился Мэлов, ответил торопливо:

– Ничего больше не велено. Как на духу...

– Из-за вот этой филькиной грамотки мандрычили да еланили? – все еще делая вид, что не вполне верит хозяину, сердито вопрошал Есаул сам себя. – Экое пустодельство!

– Важность документа не в его объеме, – попытался возразить, потрогав пальцами усы, Мэлов, но Есаул грубо оборвал его:

– Чево пустое, паря, молоть? По зряшнему делу меня Левонтьев не пошлет...

– Левонтьев?!

– А ты думал, мне, есаулу Кырену, шавка какая велела?

– Прошу, передайте, вернувшись, привет от Ткача.

– Погляди на него – Ткач! – с явной издевкой бросил, как бы призывая в свидетели напарника своего, Есаул. – Чево горболысь такая наткать может? Плодуха без мужика нагуляла, не иначе... Ну не сердчай, передам твой поклон. Передам, бог даст, если выйдет годяво все.

– А где вы намерены переходить обратно?

– Эко – шустер! Мы – в пути, ты тут гвалт подымешь!

– Я к тому, чтобы посоветовать, – притрагиваясь к усам, возразил Мэлов. – Я же в курсе, где охрана слабее.

– Советчик, глянь-ко!..

Оплевав смачно и оставив три ружейных патрона, ушли ходоки. Так гадко на душе у Мэлова, швырнуть бы позеленелые гильзы с непонятным зарядом в сортир, а следом и горшок с геранью, но нет, перебогает себя страхом за возможную расплату, несет на подоконник герань, хотя темень на улице и сделать это можно утром; прячет и перепрятывает патроны не единожды и только после этого тушит лампу.

Смежил глаза – и, как наяву, рыжая лопатистая борода, глаза волчьи. Дрожь по телу. Вскочить бы, зажечь лампу, но и этого нельзя делать: поздний свет в окне может вызвать подозрение. Велики у страха глаза. Спит улочка без задних ног, никто не видел ушедших от Мэлова гостей, никому нет дела до того, горит ли у него лампа либо не горит – в каждом доме своя забота, свои житейские проблемы. Но не случайно родилась поговорка: на воре и шапка горит. Совсем не случайно.

Промучившись ночь без сна, пошел на службу. Старался не выходить из своего кабинета, не приглашал подчиненных, сославшись на срочную работу. Прополз с горем пополам день, пора и домой. А желания никакого. Тоска и страх перед наступающей ночью.

Прокоротал ее в тревоге, затем еще одну, да еще и, только когда уверился, что все обошлось, как Есаул сказал, «годяво» – хорошо обошлось, тогда успокоился.

Когда второй раз пожаловали гости, спокойней чувствовал себя Мэлов. К тому же и Есаул, и Елтыш вели себя смирней, уважительней. Подействовало, что Левонтьев послал ответный привет да еще обещание написать личное письмо.

Правда, письмо от Дмитрия Левонтьева получил Мэлов не в следующее посещение казаков, а лишь через год. Передал вначале Есаул несколько «заряженных» шифровками металлических гильз, а затем отдельно одну подал, поясняя:

– Его благородие наказывали, чтобы в собственные руки. Ответ, наказывали, чтобы тут же. Письмом. Словами тоже ладно. Не уйдем, стало быть, паря, мы, не получивши ответа.

– Ждите, раз вам велено. Я прочту прежде.

Не стал при них разряжать патрон, ушел в кабинет, достал неторопливо пинцет, наслаждаясь тем, что те двое хамов-казаков смирно станут сидеть, сколько ему, Мэлову, захочется, аккуратно вынул рулончиком свернутое послание и, начав только читать, присвистнул от изумления. Совершенно неожиданная и на первый взгляд нелепейшая просьба: выяснить, живы ли на заимке возле Усть-Лиманки Ерофей Кузьмин, его дочь Акулина и кого, девочку или мальчика, она родила, жив и здоров ли ребенок.

«Леший бы меня туда понес, в эту Усть-Лиманку. За целый отпуск не обернешься. И чего ради? – И вновь присвистнул невольно, начиная догадываться, с чем связана эта необычная просьба. – Вспомнил на чужбине грехи свои! Ну ничего, помучайся! Воротили нос Левонтьевы, когда породниться хотел. Воротили! Петр Богусловский им милей. Где он теперь?! Теперь о Ткаче вспомнили. Нет уж, выкусить извольте. Буберы в услужении у Левонтьевых не хаживали...»

Более получаса сидел за своим письменным столом Мэлов, то распалая себя, то успокаивая, но более того тешась тем, что безропотно ждут казаки в горнице и пикнуть не смеют. И только когда самому надоело бесцельное сидение, поднялся со стула.

Независимо вышел, уверенно. Сказал, словно снизойти изволил:

– Передайте Дмитрию, все постараюсь сделать, как он просил. Ради дружбы старинной нашей. Так, слово в слово, и передайте. Запомнили?

– Али алаги в бошках у нас? – недовольно буркнул Елтыш, а Есаул промолчал, лишь смерил Мэлова усмешливым пристальным взглядом. Ничего, дескать, покуражься-покуражься, а там поглядим, как жизнь повернет...

Лелеял то свое малое и минутное превосходство над посланцами Левонтьева Мэлов, дул из него мыльный пузырь до самой новой встречи. Смелость оттого даже обрел, укрепился в мысли, что в Усть-Лиманку ездить не следует.

«Нашел мальчика на побегушках! – осуждал Дмитрия Мэлов. – Не было того, чтобы Ткачи в слугах ходили у Левонтьевых, и не будет!»

Казакам наглым решил, как придут, место свое указать, свой шесток. Припас даже первую фразу, не один раз повторив ее, чтобы подобающе звучала. Этой фразой и встретил гостей:

– Проходите на кухню и ждите... У меня важная встреча. Я вернусь через час. Кухарка подаст чай...

– Глянь-ко, Елтыш, на него, – с презрительной усмешкой бросил Есаул. – Мелкодав мелкодавом, а в азойные метит. Не оболясить ли удумал?

Подошел вплотную все с той же не сердитой, а презрительной усмешкой, положил руки на плечи, мягко, вроде бы собираясь похлопать снисходительно шалуна-шутника, но вдруг напряжились пальцы, сграбастав рубашку и кожу под ней, и приподнял Есаул Мэлова, обезумевшего от боли и особенно от страха, ибо взгляд Есаула стал тоже жестким, прожигающим до пят.

Дальше все шло привычным порядком. Мэлов услужливо притрагивался пальчиками к усам, гости, развалясь в креслах, слушали его с брезгливой снисходительностью. Или повелевали.

Но вот вопрос:

– В Усть-Лиманке побывал ли, паря?

– Побывал, побывал! – скороговоркой выпалил Мэлов. – В порядке разведки...

Угрожающе поднялся Есаул, глаза его вспыхнули гневом, а Мэлов съежился, пугаясь телесной боли, которая была во сто крат ему неприятней душевной, залепетал прытко, что баба прибитая:

– Бес попутал. Истинный крест – бес на грех толкнул. Все сделаю. Все-все...

– Оболясишь еще – жилы вытяну!

Либо беспредельно дорог Есаулу Левонтьев, коль скоро так печется о его просьбе, либо сам придавлен жерновом, в любой момент который может крутнуться, перемолов в пыль и прах. И хотя Мэлов со злорадством предполагал только вторую причину, все равно это не избавляло его от необходимости ехать в бездорожную глухомань.

Но, предвидя трудности пути, не думал он вовсе, что возникнет иное препятствие, преодолеть которое ему удастся лишь с великой силой.

Началось с того, что Мэлова, едва живого от усталости, не впустили в дом. Поначалу дотошно выпытывал Кузьмин, старик бородач, как у подследственного, цель приезда, а когда уже, казалось, все разъяснилось, когда бородачу не о чем было больше спрашивать, он совершенно неожиданно для Мэлова бросил грубо:

– Шлюх не держу! Не грешен!

Дверь захлопнулась, шелкнул засов, прошлепали старческие шаги в сенцах, удаляясь, и стало тихо-тихо. В пору выть от досады. Десять трудных суток, и – пустопорожний итог.

Спустился с крыльца Мэлов и насильно зашагал обратно в Усть-Лиманку, где ему в сельсовете, подозрительно поначалу оглядев, указали путь к заимке Ерофея Кузьмина. Ему не хотелось больше встречаться с председателем сельсовета, таким же, как Елтыш с Есаулом, как Кузьмин, бородач, с такой же дремучей подозрительностью во взгляде; он с великой радостью нанял бы возницу, с кем попутно приехал из Тюмени, и махнул бы на все рукой, но он был неволен, ибо помнил злое обещание Есаула.

– Али не пустили? – сочувственным вопросом встретил Мэлова председатель и сам же ответил: – Семейцы, что с них возьмешь? – И спросил без обиняков: – Ответь, как на духу, каво у Ермача делать тебе? Кулак он. Супротивник нашей власти. Али и ты из ихней породы?

Пот прошиб Мэлова. Второй раз человека встретил, а в корень уже взгляделся. В атаку придется идти, чтобы не укрепился в своей мысли председатель. Ответил возмущенно:

– Я Зимний штурмовал!

– Раз штурмовал, значит, ладно, – вовсе, казалось, не воспринял значимости сказанного председатель. – Я говорю, к Ермачу-то чего навострился?

– Я – следователь! И не вправе быть с вами откровенным.

– Следователь, говоришь? – все с той же недоверчивостью, в которую, правда, вплелись нотки радости, протянул председатель. – Тогда и впрямь нужда в нем есть. Много кровушки пролито по его вине. Нет, он сам не бандитил, сын его, Никита, вроде бы тоже в сторонке, только так я мыслю: они главные заводилы...

Будто треснул ледовый панцирь и хлынула набухшая внешняя вода, истосковавшаяся по вольному берегу под студеной тяжестью: об оружии, неведомо откуда появившемся, заговорил председатель, о том, как Петра Пришлого, ученика тракториста, чуть не убили, а потом так замордовали парня, что утек куда-то; о том заговорил, что и после, как Колчака турнули, легче не стало, бандитят кулаки, житья не дают и даже ему, председателю сельсовета, кого народ поставил на пост, смертью грозят. Он говорил долго и основательно, предполагая, как сеятель, что в добрую землю бросает семена, и даже не подозревал, какие мысли и какие планы зреют в голове его гостя.

Мэлов же, слушая внимательно, искал себе выгоду. Первое, к какому скорому выводу пришел, – следует сейчас же переубедить председателя, что не поручено ему, Мэлову, расследовать жизнь и дела Ерофея Кузьмина, объяснить ему о юридической несостоятельности подозрений без фактов. И второй вывод: председателя следует убрать. Каким образом, Мэлов пока даже не думал – только вынес приговор.

– Я себе так определил: иль дознаюсь правды, иль голову перед сельчанами склоню, плохой, дескать председатель, меняйте. Теперь, слава богу, помощь есть...

– Нет, я вам не помощник, хотя полностью на вашей стороне. Но у меня иное предписание. И потом, подозрения ваши не могут являться юридическим основанием для начала следствия, а тем более ареста Кузьминых. Когда появятся факты, вот тогда – прокурору их. А сейчас скажите, где могу я найти Акулину Ерофеевну Кузьмину? В доме отца, похоже, ее нет.

– Выгнал. Принесла поблудка – вот и выгнал. В Тюмени теперь... На станции. Буфетчица.

– А кто отец ребенка – не известно? – спросил Мэлов с профессиональной четкостью, как будто вел допрос.

– За ноги-то не держали. Шила только в мешке не утаишь. Сказывали, будто Петр Пришлый. За то, мол, и смолили его. За то и грозили смертью. Может быть, и впрямь парень грешен, бедовым был, только, я думаю, не потому мордовали Петра. Гуртил парней да девчат вокруг себя в коммуне. Кулакам он – что тебе бельмо в глазу.

Мэлова совершенно не интересовало, согласен или не согласен председатель с молвой; он понял одно: о Левонтееве в Усть-Лиманке ничего не знают, его пребывание на заимке Кузьминых осталось тайной, и это упрощало дело.

«Сын коммунара. Прекрасная легенда. Еще лучше – сын погибшего в классовой борьбе коммунара!..»

И как Мэлов обрадовался, когда председатель дал ему эту желаемую легенду прямо в руки!

– Кулачье что удумали? Написали в газету, что погиб, мол, Петр-тракторист...

Читал об этом Мэлов в «Комсомольской правде». Бойко написано было, вдохновляюще: «Не запугать комсомольцев огнем кулацким, на смену погибшего встанут тысячи...»

«Сын сгоревшего тракториста. Превосходно!»

Ничто его больше не держало в этом медвежьем углу, и утром выехал он на сельсоветской подводе в Тюмень. Не близок путь, но, как ни тянулись таежные версты, пришел им все же конец.

Остановил лошадей возница на привокзальной площади, в ряду таких же натруженных бричек, и без всякой дипломатии попросил:

– Мерзавчик бы перед обратной дорогой пропустить? Как, мил человек? Я мигом в кооператив...

Мэлов даже обрадовался просьбе: проще состоится знакомство с Акулиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.